

ОГОНЁК

ИЗДАТЕЛЬСТВО
«ПРАВДА», МОСКВА

№ 24 ИЮНЬ 1977

НЕТ СОМНЕНИЯ, ТОВАРИЩИ, ЧТО ПРИНЯТИЕ НОВОЙ КОНСТИТУЦИИ СССР, КОНСТИТУЦИИ РАЗВИТОГО СОЦИАЛИЗМА, КОНСТИТУЦИИ СТРОЯЩЕГОСЯ КОММУНИЗМА, БУДЕТ НЕ ТОЛЬКО ИСТОРИЧЕСКИМ СОБЫТИЕМ ДЛЯ НАШЕЙ СТРАНЫ, НО И СОБЫТИЕМ ОГРОМНОГО МЕЖДУНАРОДНОГО ЗНАЧЕНИЯ.

Из доклада Генерального секретаря ЦК КПСС, Председателя Конституционной комиссии товарища Л. И. БРЕЖНЕВА на Пленуме ЦК КПСС 24 мая 1977 года «О проекте Конституции Союза Советских Социалистических Республик».

«ВЫСШАЯ ЦЕЛЬ СОВЕТСКОГО ГОСУДАРСТВА—ПОСТРОЕНИЕ БЕСКЛАССОВОГО КОММУНИСТИЧЕСКОГО ОБЩЕСТВА. ГЛАВНЫЕ ЗАДАЧИ ГОСУДАРСТВА: СОЗДАНИЕ МАТЕРИАЛЬНО-ТЕХНИЧЕСКОЙ БАЗЫ КОММУНИЗМА, СОВЕРШЕНСТВОВАНИЕ СОЦИАЛИСТИЧЕСКИХ ОБЩЕСТВЕННЫХ ОТНОШЕНИЙ И ИХ ПРЕОБРАЗОВАНИЕ В КОММУНИСТИЧЕСКИЕ, ВОСПИТАНИЕ ЧЕЛОВЕКА КОММУНИСТИЧЕСКОГО ОБЩЕСТВА, ПОВЫШЕНИЕ МАТЕРИАЛЬНОГО И КУЛЬТУРНОГО УРОВНЯ ЖИЗНИ ТРУДЯЩИХСЯ, ОБЕСПЕЧЕНИЕ БЕЗОПАСНОСТИ СТРАНЫ, СОДЕЙСТВИЕ УКРЕПЛЕНИЮ МИРА И РАЗВИТИЮ МЕЖДУНАРОДНОГО СОТРУДНИЧЕСТВА».

Из проекта Конституции (Основного Закона) Союза Советских Социалистических Республик.

Москва.
Автозавод
имени Лихачева.
На многолюдном
митинге,
посвященном
обсуждению
проекта
новой
Конституции
СССР.

Фото
В. Соболева
[ТАСС]

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

ОГОНЕК

ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ

Основан
1 апреля

№ 24 (2605)

1923 года

11 ИЮНЯ 1977

© ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА». «Огонек». 1977

**В СТРАНЕ НАЧАЛОСЬ
ПРОЕКТА НОВОЙ**

**ВСЕНАРОДНОЕ ОБСУЖДЕНИЕ
КОНСТИТУЦИИ СССР**

Украинская ССР, Ворошиловградская область. Проект Конституции СССР обсуждают горняки из бригады В. М. Борисенко [шахтоуправление имени В. И. Ленина].

Фото Р. АЗРИЕЛЯ (ТАСС)

-ОДОБРЯЕМ! -ГОВОРЯТ

ИЗМЕНИЛСЯ ОБЛИК РАБОЧЕГО

С волнением читаешь и перечитываешь проект новой Конституции СССР. В этом Основном Законе нашей жизни обобщается все достигнутое нами за 60 лет — путь, равный столетиям! Мы, рабочие, еще раз убеждаемся в том, что дело, начатое Великим Октябрем, торжествует, воплощаются в жизнь заветы Ленина. Неузнаваемо изменился социальный облик советского человека, всего нашего общества — общества развитого социализма, изменился наш рабочий класс. Правильно сказал Леонид Ильич Брежнев в докладе о проекте Конституции:

«Наш рабочий класс сегодня — это две трети населения страны. Это — десятки миллионов образованных, технически грамотных, политически зрелых людей. Их труд все более приближается к труду инженерно-технических работников. Значительно возросла общественная активность рабочих, их участие в управлении государством».

Это остро ощущает каждый из

нас. Наш завод выпускает уникальные станки и тяжелые прессы, которые стоят на многих предприятиях страны. И мы горды этим. Но партия учит нас смотреть вперед, одолевать новые, более трудные рубежи. Сейчас, в дни обсуждения проекта новой Конституции, десятки рабочих нашего завода принимают повышенные трудовые обязательства.

Глубоко правильно, что впервые в Основной Закон будет введена глава «Внешняя политика». Партия, ленинский ЦК КПСС, Политбюро во главе с Леонидом Ильичом Брежневым много сделали для укрепления мира на земле.

От имени своих товарищей вношу предложение: одобрить проект новой Конституции и своим трудом способствовать процветанию нашей Родины, укреплению мира во всем мире.

И. ШУРБИН,
слесарь-сборщик новосибирского
завода «Тяжстанкогидропресс»
имени Ефремова

ВЕЛИКИЕ ПЕРЕМЕНЫ

Трудно переоценить значение перемен, которые произошли за четыре десятилетия в жизни нашего общества, страны, в жизни и в сознании каждого из нас.

Взять для примера завод «Ташсельмаш». Когда была принята ныне действующая Конституция 1936 года, мы создали первые оте-

чественные уборочные агрегаты. Ныне с конвейера «Ташсельмаша» ежегодно сходит более восьми тысяч первоклассных хлопкоуборочных машин, широко известных в хлопкосеющих республиках нашей страны и за рубежом. У этого конвейера стоят люди нового облика, владеющие высокими технически-

ми знаниями, активные, политически зрелые граждане страны.

Сейчас у нас в коллективе идет обсуждение проекта новой Конституции СССР. Мы горячо одобряем этот великий документ.

Мое поколение многое пережило, хорошо помнит годы военной беды.

Наверное, оттого читаются с особым волнением такие строки в докладе Генерального секретаря ЦК КПСС, Председателя Конституционной комиссии товарища Л. И. Брежнева о проекте новой Конституции: «В итоге расстановка сил на мировой арене стала совершенно иной. Появилась реальная воз-

можность предотвратить новую мировую войну, угроза возникновения такой войны уже значительно ослаблена, хотя в этом плане нам еще предстоит большая работа, предстоит упорная борьба».

Мир был первой заботой партии Ленина. Годы свершений и борьбы советского народа проходят мысленно перед нами, когда мы читаем и обсуждаем проект Конституции СССР.

Э. АТАЕВ,
рабочий, ветеран завода
«Ташсельмаш»

Узбекистан.

СОБЫТИЕ ЭПОХАЛЬНОГО ЗНАЧЕНИЯ

В жизни народа бывают события эпохального значения. Именно таким событием в жизни советского народа явится новая Конституция страны победившего социализма. Такие события заставляют обернуться назад и внутренним взором окинуть пройденный путь. Какую поистине титаническую работу должна была проделать партия Ленина, чтобы создать сплоченное, мощное и устойчивое в будущем, подлинно народное государство!

Еще и еще раз вчитываясь в статьи проекта Конституции, я живо представляю себе одного из крупнейших политических и го-

сударственных деятелей современности — Леонида Ильича Брежнева, с присущими ему спокойствием, глубиной и ясностью мысли докладывающего Пленуму Центрального Комитета нашей партии о проекте Конституции. На целый исторический период определит она движение нашего многонационального государства по пути строительства коммунистического общества.

Дмитрий ЧАНТУРИШВИЛИ,
доктор филологических наук,
профессор Тбилисского государственного университета

Азербайджанская ССР. Митинг в нефтегазодобывающем управлении «Орджоникидзе-нефть».

Фото В. ПАЩЕНКО (ТАСС)

Эстонская ССР. Таллинский торговый порт. Докеры изучают проект Конституции СССР.

Фото Э. НОРМАНА (ТАСС)

СОВЕТСКИЕ ЛЮДИ

ГОРДОСТЬ ЗА СОВЕТСКОЕ ГОСУДАРСТВО

Шесть месяцев теплоход «Волчанск» бороздил моря и океаны, доставляя грузы в порты Японии, Румынии, Австралии, КНДР. 23 мая мы подошли к родным берегам, ошвартовавшись у причала порта Корсаков. На следующий день я и мои товарищи с огромным интересом слушали радио, передававшее сообщение о Пленуме ЦК КПСС, о докладе Генерального секретаря ЦК КПСС, Председателя Конституционной комиссии товарища Л. И. Брежнева «О проекте Конституции Союза Советских Социалистических Республик».

Реализация положений новой Конституции поднимет на качественно новый уровень нашу государственную и хозяйственную деятельность. Значит, Советская страна станет еще сильнее и бо-

гаче, возрастет ее авторитет в мире. Уверен, что Конституция послужит достойным ответом злопыхателям за рубежом.

Превыше всего у нас стоит человек труда, его благосостояние и счастье. Какую гордость за Советское государство испытываешь, когда читаешь впервые включенную в проект Основного Закона главу «Социальное развитие и культура»! Есть в ней положение: «Государство заботится об улучшении условий труда...». Мы, моряки-дальневосточники, это остро ощущаем. Неузнаваемо изменился труд наш — и на берегу и в море...

А. ШМОНИН,
начальник радиостанции
теплохода «Волчанск»

порт Корсаков,
Сахалинская область.

Ленинград. В роторном цеху производственного объединения «Ленинградский металлический завод». С проектом Конституции СССР знакомятся ударники коммунистического труда турбостроители И. И. Постников и В. А. Гриднев.

Фото М. БЛОХИНА (ТАСС)

К ЧИТАТЕЛЯМ «ОГОНЬКА»

В стране началось всенародное обсуждение проекта новой Конституции СССР. Редакция приглашает всех читателей журнала «Огонек» принять участие в обсуждении этого исторического документа.

Пишите нам по адресу:
101456, МОСКВА, А-15, ГСП, Бумажный проезд,
14. На конверте просим указать: «Обсуждение
проекта Конституции СССР».

Проводы на аэродроме.

Фото А. ГОСТЕВА

ЕДИНСТВО И СОЛИДАРНОСТЬ

По приглашению Центрального Комитета КПСС, Президиума Верховного Совета СССР и Совета Министров СССР с 30 мая по 4 июня 1977 года в Советском Союзе находилась с официальным дружеским визитом партийно-правительственная делегация Народной Республики Болгарии во главе с Первым секретарем ЦК БКП, Председателем Государственного совета НРБ Т. Живковым.

Болгарская делегация посетила Москву, Алма-Ату, Ульяновск, имела многочисленные встречи с трудящимися Советского Союза, ознакомилась с достижениями советского народа в коммунистическом строительстве, с работой партийных, советских и хозяйствен-

ных органов, с деятельностью общественных организаций.

Во время визита состоялись переговоры, прошедшие в атмосфере сердечности и полного взаимопонимания.

Руководители Советского Союза и Народной Республики Болгарии выразили глубокое удовлетворение ходом и результатами советско-болгарского сотрудничества, которое стало неотъемлемым составным элементом созидательных усилий советского и болгарского народов, важным фактором укрепления позиций мирового социализма. Состоялся обмен мнениями по актуальным проблемам внешней политики и мирового коммунисти-

ческого движения. Участники переговоров констатировали полное единство взглядов и общность позиций КПСС и БКП, СССР и НРБ в международных делах.

В советско-болгарском коммюнике, которое подписали Генеральный секретарь ЦК КПСС Л. И. Брежнев и Первый секретарь ЦК БКП, Председатель Государственного совета НРБ Т. Живков, в частности, говорится, что наряду с расширением политических и экономических связей существенно обогатилось советско-болгарское идеологическое и культурное сотрудничество. Во всестороннем развитии и углублении советско-болгарского сотрудничества успеш-

но реализуется принципиальный курс КПСС и БКП, направленный на дальнейшее сближение СССР и НРБ, советского и болгарского народов.

Первый секретарь ЦК БКП, Председатель Государственного совета НРБ Т. Живков от имени ЦК БКП, Государственного совета НРБ и Совета Министров НРБ пригласил Генерального секретаря ЦК КПСС Л. И. Брежнева, партийно-правительственную делегацию Советского Союза посетить Народную Республику Болгарию с официальным дружеским визитом. Приглашение с благодарностью принято, дата визита будет согласована дополнительно.

БЕСЕДА В КРЕМЛЕ

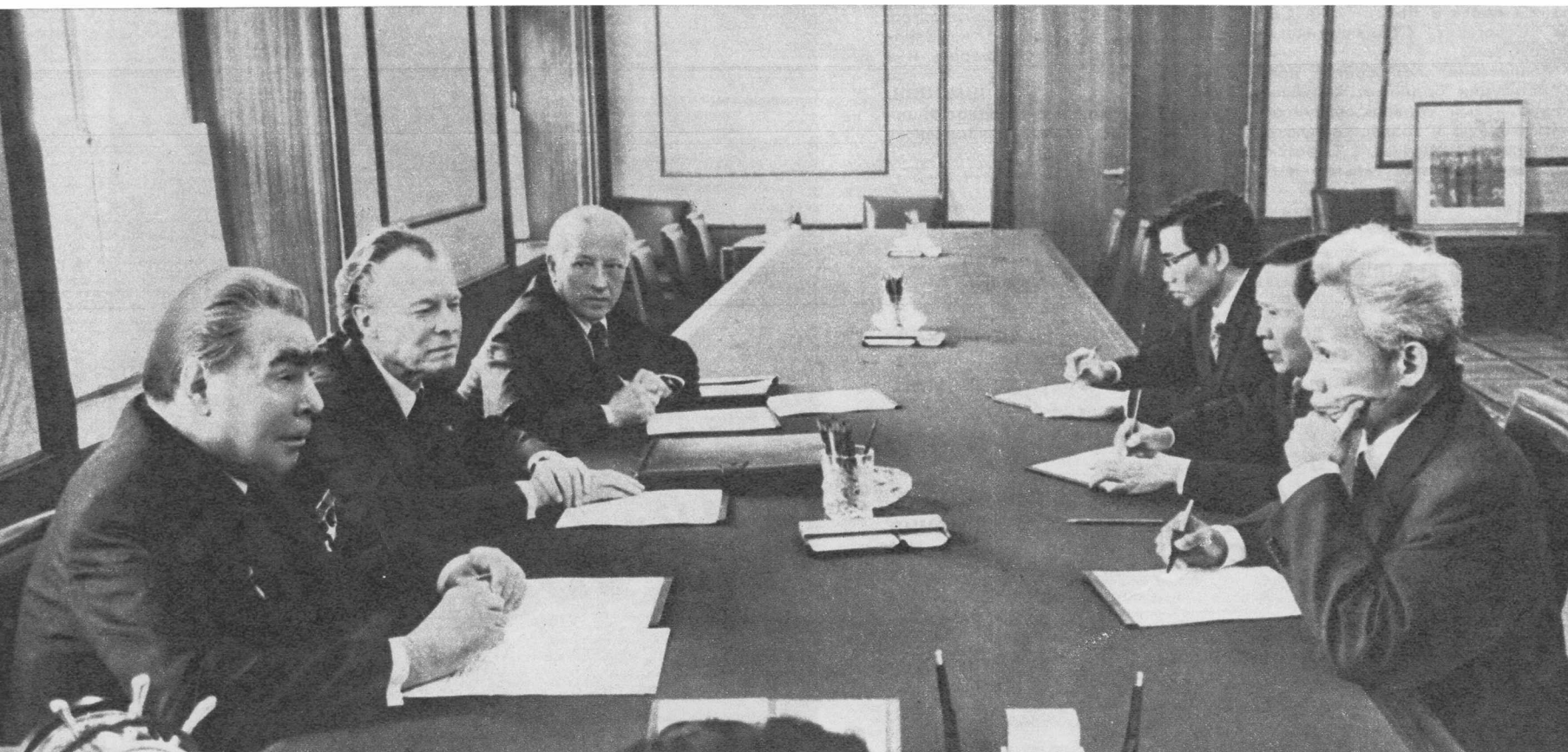
Во время беседы.

6 июня в Кремле Генеральный секретарь ЦК КПСС Л. И. Брежнев принял члена Политбюро ЦК КПВ, Премьер-Министра правительства Социалистической Республики Вьетнам Фам Ван Донга. Л. И. Брежнев и Фам Ван Донг обменялись информацией о ходе выполнения решений XXV съезда КПСС и IV съезда КПВ. Состоялось обсуждение ключевых вопросов со-

трудничества между обеими странами.

В беседе, которая проходила в атмосфере сердечности и братской дружбы, приняли участие с советской стороны секретарь ЦК КПСС К. В. Русаков, помощник Генерального секретаря ЦК КПСС А. И. Блатов, с вьетнамской — посол СРВ в Советском Союзе Нгуен Хыу Кхиену.

Фото В. МУСАЭЛЬЯНА (ТАСС).

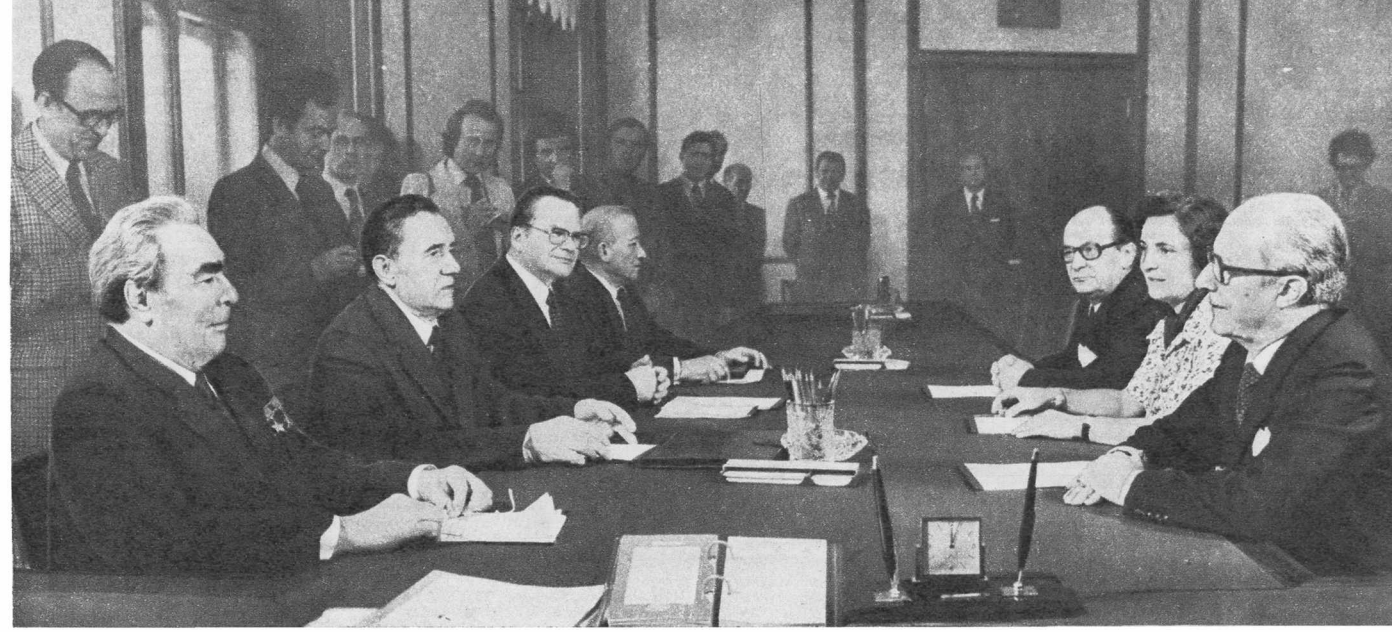

ЗА ШИРОКОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО

7 июня Генеральный секретарь ЦК КПСС Л. И. Брежнев принял в Кремле находившегося с официальным визитом в Советском Союзе министра иностранных дел Франции Л. де Гиренго.

Между Л. И. Брежневым и Л. де Гиренго состоялась беседа, в которой принял участие член Политбюро ЦК КПСС, министр иностранных дел СССР А. А. Громыко. Л. И. Брежнев подчеркнул последовательность линии Советского Союза на развитие широкого сотрудничества и расширение сфер согласия с Францией.

Были рассмотрены некоторые вопросы развития отношений между Советским Союзом и Францией, их сотрудничества в деле укрепления европейской и международной безопасности. Л. И. Брежнев выразил уверенность, что новые согласованные шаги двух стран по углублению процесса разрядки напряженности, уменьшению опасности возникновения

Во время беседы.

Фото С. СМЕРНОВА.

ядерной войны отвечали бы ожиданиям советского и французского народов, интересам мира в Европе и во всем мире.

От имени французского правительства Л. де Гиренго заявил, что во Франции придают большое зна-

чение визиту Л. И. Брежнева и считают, что этот визит призван стать крупным политическим этапом на пути советско-французского сотрудничества.

Беседа прошла в деловой, дружественной обстановке.

На беседе присутствовали с советской стороны — помощник Генерального секретаря ЦК КПСС А. И. Блатов, посол Советского Союза во Франции С. В. Червоненко; с французской — посол Франции в Советском Союзе Брюно де Лесс.

Торжественный финал концерта.

Фото А. НАГРАЛЬЯНА

ФЕСТИВАЛЬ МИЛЛИОНОВ

Вот уже более двух лет в стране идет первый Всесоюзный фестиваль самодеятельного художественного творчества трудящихся, посвященный 60-летию Великой Октябрьской революции.

2 июня в Кремлевском Дворце съездов состоялся заключительный концерт лучших коллективов и исполнителей Российской Федерации.

Бурными, продолжительными аплодисментами, стоя встретили собравшиеся товарищи Л. И. Брежнева, В. В. Гришина, А. П. Кириленко, А. Н. Косыгина, К. Т. Мазурова, А. Я. Пельше, М. А. Сулова, П. Н. Демичева, Б. Н. Пономарева, М. С. Соломенцева, В. И. Долгих, М. В. Зимянина, К. У. Черненко, К. В. Русакова.

Страницы славной летописи Страны Советов прошли перед зрителями в музыкально-поэтической переключке самодеятельных артистов из Томска, Смоленска, Краснодара, Иркутска, Ставрополя, Петрозаводска. О трудовых свершениях советских

людей в юбилейном году, об их нерушимой дружбе и единстве рассказали в своих песнях и композициях строители Саяно-Шушенской ГЭС и металлурги Магнитки, горнообогатители Железногорска и будущие рабочие из Архангельска, первопроходцы стальных магистралей из Тынды и многие, многие другие. Все богатство фольклора многонациональной России было представлено в концерте.

Тема интернациональной дружбы и солидарности людей труда прозвучала в танце, показанном советско-болгарским ансамблем строителей газопровода, в песне о чилийских патриотах, которую исполнили артисты-любители из Иванова и Рязани.

Концерт завершился торжественным финалом, посвященным единству и братству многонациональной семьи народов РСФСР. Концерт продемонстрировал духовное богатство, высокую культуру тружеников Российской Федерации.

ВЫСОКАЯ НАГРАДА

Международная Ленинская премия «За укрепление мира между народами» была торжественно вручена 3 июня в Будапеште Первому секретарю ЦК ВСРП Яношу Кадару. Этой высокой награды он удостоен за выдающиеся заслуги в борьбе за сохранение и укрепление мира.

Председатель Комитета по международным Ленинским премиям «За укрепление мира между народами» академик АМН СССР Н. Н. Блохин поздравил Я. Кадара с присуждением ему высокого звания лауреата международной премии, носящей имя великого Ленина.

В ответном слове товарищ Ка-

дар, в частности, сказал: «Наша партия, правительство и весь венгерский народ хорошо знают, понимают и полностью одобряют усилия Советского Союза, направленные на ограничение стратегических вооружений, сокращение вооруженных сил и вооружений в Центральной Европе и всеобщее разоружение. Мы считаем эти цели своими. В борьбе за мир и дружбу между народами огромные силы нам придает сознание того, что мы боремся в полном единстве с нашим лучшим другом и союзником, братом — Советским Союзом».

Телефото МТИ — ТАСС

Первый секретарь Ростовского обкома КПСС Герой Социалистического Труда И. А. Бондаренко выступает перед участниками Всесоюзного семинара.

Фото Евг. НЕДЕРИ

ПОУЧИТЕЛЬНЫЙ ОПЫТ

Новые сорта риса, гороха, пшеницы, сорго, кукурузы показали участникам семинара в Донском селекционном центре.

Изучению опыта работы партийных организаций Ростовской области с кадрами колхозного и совхозного производства, с людьми, решающими успех претворения в жизнь аграрной политики КПСС, был посвящен состоявшийся в Ростове Всесоюзный семинар. В нем приняли участие секретари ЦК компартий союзных республик, крайкомов и обкомов партии, ответственные работники ЦК КПСС, министерств и ведомств, профсоюзных и комсомольских органов, ученые, специалисты сельского хозяйства.

Семинар открыл член Политбюро ЦК КПСС, секретарь ЦК КПСС Ф. Д. Кулаков. Он огласил приветствие Генерального секретаря ЦК КПСС товарища Леонида Ильича Брежнева участникам семинара, которое было встречено продолжительными аплодисментами. В приветствии, в частности, отмечается, что «партия рассматривает работу с кадрами на селе как неотъемлемую составную часть своей аграрной политики. Теперь, когда колхозы и совхозы насыщаются современной мощной техникой, все шире раздвигаются химизация и мелиорация земель, уровень квалификации кадров, их умение вести производство на основе достижений науки и передового опыта приобретают огромное значение для развития сельского хозяйства, повышения эффективности и качества».

С докладом «О формах и методах работы партийных организаций Ростовской области с кадрами колхозного и совхозного производства» выступил первый секретарь Ростовского обкома КПСС И. А. Бондаренко. Опытом работы по подготовке, подбору, расстановке и воспитанию кадров сельского хозяйства на семинаре обменялись партийные и хозяйственные работники, руководители учебных заведений, знатные механизаторы Дона. Участники семинара ознакомились с деятельностью передовых колхозов, совхозов, учебных заведений Ростовской области.

Перед участниками семинара выступил член Политбюро ЦК КПСС, секретарь ЦК КПСС Ф. Д. Кулаков. Вся работа с кадрами, сказал он, должна быть поднята на новую, более высокую ступень. Необходимо добиться, чтобы во главе всех отделений, бригад, ферм и других производственных подразделений стояли опытные, политически грамотные специалисты, умелые организаторы и воспитатели трудовых коллективов, способные вести производство на современной научно-технической основе. Таково требование Центрального Комитета КПСС, такова линия партии.

В решении этой важной задачи следует широко использовать опыт Ростовской области.

В единодушно принятом письме участники семинара заверили Генерального секретаря ЦК КПСС товарища Л. И. Брежнева в том, что они сделают все для претворения в жизнь решений XXV съезда партии, выполнения советов и рекомендаций, изложенных в его приветствии участникам семинара.

ДОРОГАМИ ДРУЖБЫ

лике домашние бытовые светильники. Современные, элегантные, они нарасхват в магазинах. Люстра и электронно-вычислительная машина «Наири» прекрасно гармонируют в экспозиции, да и в жизни нашей они в общем-то одинаково нужны.

В давние времена предугадал силу дружбы великий армянский

просветитель Хачатур Абовян, когда говорил о том, что каменные, пустынные поля Армении стали обитаемыми, вкусив заботу русского народа. Но не мог он, конечно, предвидеть успехи народа, объединенного узами подлинного братства со всеми народами нашей великой Отчизны!

К. КОСТИН

ДНИ АРМЯНСКОЙ ССР НА ВДНХ

Очень щедрый это павильон. Он словно ведет вас по горам и долинам Армении, по ее городам, по берегу Севана, по Арагацу, по улицам древнего Еревана, в почтенном возрасте которого самые светлые десятилетия начали свой отсчет с того дня, когда город этот стал столицей Советской Армении. В истории Армении эти годы наполнены особым содержанием, и о них рассказывает экспозиция Армянской ССР на ВДНХ.

Республикой большой химии называют ныне Армению: крупные объемы, широкая номенклатура производства. Хорошо известны и здешние трансформаторы, генераторы, передвижные электростанции, электродвигатели, бытовые электроизделия.

Иными сегодня стали масштабы традиционной для Армении металлургической промышленности: мо-

либден, полиметаллы, алюминий, фольга, медь, золото. Строится крупный Разданский горно-химический комбинат.

В экспозиции — макеты, модели, уникальные приборы. Вот хотя бы эти: газовый лазер, программирующее устройство, астрономические приборы, позволяющие заглянуть в глубь Вселенной.

Талантлив народ Армении, опирающийся на свой опыт, на опыт и братскую поддержку, искреннюю и надежную дружбу всех народов Советского Союза. Славен он большими и малыми делами. Большими и малыми? А где те весы, на которых можно бы определить размер и «вес» сделанного? Сапожное дело рядом с металлургией вроде бы невелико. Но армянские мастера делают такую обувь, что не может сравниться с ней другая. Начали производить в респуб-

Этот снимок сделан в павильоне, где разместились юбилейная экспозиция — Армянская ССР к 60-летию Великого Октября.

Фото автора

Зденек ГОРЖЕНИ,
заместитель
главного редактора
газеты «Руде право»

СОВЕТСКИЙ ПОТЕНЦИАЛ

скую промышленность, нельзя было бы разгромить фашистов у ворот Москвы, и спустя годы едва ли мог бы молодой чехословацкий турист с изумлением любоваться этим сказочным чудом русской архитектуры...

Я уходил немного пристыженный, и, видимо, потому столь четко запомнился тот эпизод. Каждый раз я с благодарностью вспоминаю «свою» бабушку. Потому что она помогла мне вернее, объективнее взглянуть на путь Советской страны, помогла точнее нацелить глаз. Я преклоняюсь перед ее государственной мудростью, перед ее способностью видеть явления, далеко не само собой разумеющиеся, в их сложных общественных взаимосвязях. Я бы сказал, что это было естественное проявление государственности — черты, столь характерной для советских людей.

В заключительной части «Повести о настоящем человеке», которая оказалась на нас, послевоенное поколение, огромное влияние, Борис Полевой вспоминает, как на суде в Нюрнберге нацистский военный преступник Геринг говорил, что война против Советского Союза была-де роковой ошибкой. Гитлеровцы вроде бы знали примерное число советских пушек, самолетов, танков, но были вещи, о которых они имели весьма туманное представление.

«Главное, мы не знали и не понимали советских русских, — говорил в книге Полевого военный преступник. — Они были и останутся загадкой. Никакая самая хорошая агента не может раскрыть истинного военного потенциала Советов».

Несколько лет назад была у меня встреча с Героем Советского Союза Яковом Павловым. Думаю, нет нужды представлять его читателям «Огонька». В Волгограде его именем назван дом, который горстка советских бойцов защищала 58 дней. Меня поразила скромность человека, который просто, без тени пафоса, говорил о драматических событиях тех дней.

Видел я своими глазами и Дом Павлова в Волгограде. Сегодня он скромно стоит в могучем венце новой жилой застройки. Но в дни тех страшных испытаний это была крепость из крепостей. Непреодолимым препятствием стояла она посреди фронтальной линии гитлеровцев, в самой близости от Волги. Вот где непрошеные фашистские гости узнавали характер народа, который они хотели сломить и подчинить. Народа, который для них «был и остался загадкой». Этот советский человек, эта «загадка» для агрессоров, не свалился откуда-то с неба, а вырос вместе с советским обществом. Юлиус Фучик

сразу понял это, когда в начале 30-х годов приехал из капиталистической Чехословакии в первую в мире социалистическую страну. Фучик не скрывал, какой сложный человеческий материал получило советское общество от царского прошлого. Это была «невероятно сложная масса из положительных и отрицательных элементов, которые преобладают или находятся в меньшинстве».

«Высокий накал социалистического строительства, — писал далее Фучик, — очищает эту массу, электрический ток социализма перестраивает ее молекулы в магнетические ряды нового человека, но эта работа нелегкая. Превращать человека в социалистическую личность — это все равно, что взвешивать тонны его хороших и плохих особенностей на аптекарских весах. Какие точные инструменты имеет Страна Советов, какую силу и прочность имеет страна большевиков, если уже сегодня по людям можно видеть, что эта работа выполнена. Вот то главное, вот та наибольшая перемена, которую можно увидеть, а если не увидишь — ничего не поймешь...»

И эта наибольшая перемена, как писал Фучик, рождение социалистической личности — и есть главный, решающий потенциал Советов, который никак не может раскрыть даже самая лучшая разведка.

Это главная сила Советского Союза.

Как-то в одном чехословацком селе я выступал с докладом о международном положении. Говорил, в частности, и о той роли, которую сегодня играет в мире Советский Союз, о силах, которые хотели бы принизить, умалить эту роль.

Упомянул и об одной бесстыдной лжи, завуалированной фальшивым лозунгом «борьбы против двух сверхдержав».

После доклада, когда начались вопросы, взял слово один из слушателей, старый рабочий-коммунист, и при общем одобрении присутствующих заявил:

— Не хотел бы копаться в терминологии вражеской пропаганды. Но когда речь заходит о сверхдержавках, я всегда говорю: «Слава богу, что Советский Союз такой могучий и что он на нашей стороне. С ним мы чувствуем себя увереннее и безопаснее».

Сказал он это по-своему, откровенно, от всего сердца, и аплодисменты в зале показали: все его поняли, говорил он то, что чувствует каждый из нас, сторонников социализма: Советский Союз — наша общая гордость, наша опора, наша главная сила.

Советский Союз для нас не является некоей «иностранной» де-

ржавой. Советский Союз — это общая родина для миллионов и миллионов людей труда во всем мире. Советский Союз и для нашего народа, народа Чехословакии, в самые тяжелые моменты был светочем, был надеждой, которая так счастливо сбылась весной 1945 года. Он был и есть для нас опора, пример, предмет нашей постоянной любви, восхищения, революционного социалистического вдохновения.

Но и враги не спускают глаз с Советского Союза. Слово волна за волной идут на родину Октября клеветнические удары. Все мы свидетели разжигания этой кампании, особенно в нынешнем году — юбилейном году Октябрьской революции, крупнейшего события XX столетия. Международная реакция вновь пытается — в который уже раз — устроить миролюбивых людей капиталистического Запада пугалом «советской угрозы».

Какое бесстыдство! Страна, которая дала человечеству Декрет о мире, которая заплатила двадцатью миллионами жизней в борьбе против фашизма и войны, которая своей Программой мира проводит в международных отношениях принципы мира и мирного сосуществования, этой стране клеветнически приписывают какие-то агрессивные цели!

Ответить на вопрос, почему Советский Союз является объектом столь интенсивных клеветнических кампаний, нетрудно. Потому что империализм видит в Советском Союзе своего главного противника, главное препятствие для своих устремлений, суть которых — реставрация своего былого мирового господства.

В этом смысле Советский Союз действительно «угроза», перед которой те, кто не желает разрядки международной напряженности, не без оснований дрожат.

Миролюбие — характерная черта советского народа и Советского государства. И не случайно в проекте новой Конституции СССР, есть новая глава, в которой говорится, что внешняя политика СССР направлена «...на предотвращение агрессивных войн и последовательное осуществление принципа мирного сосуществования государств с различным социальным строем».

Кредо советского человека хорошо известно всему миру — сделать все, чтобы миллионам людей никогда не пришлось испытать новой мировой войны.

Советская женщина, которую я позволил себе назвать бабушкой, именно это и поведала мне тогда, много лет назад.

На всю жизнь запомнил я лекцию, которую мне когда-то прочитала одна советская бабушка.

Было это много лет назад. Я впервые приехал в Москву. Изъездил ее вдоль и поперек. Впечатлений — полный блокнот. Потом были другие поездки в Москву. Первые впечатления переплелись с новыми. Но эпизод с той бабушкой и сегодня — живой и свежий.

Произошло это... впрочем, не столь уж важно, где именно. Возле одного сказочного по красоте исторического памятника Москвы, шедевра русского искусства. Это поэзия, воплощенная в краски и формы, плод дивной фантазии русских зодчих и художников. И все же мне показалось, что внутри этот исторический памятник нуждался в обновлении, реставрации.

Как известно, туристы скоры на выводы и порой бывают «одноглазыми», поэтому несправедливыми. Видимо, именно таким был и я в ту минуту.

Короче, поделился я своим недоумением со старушкой, которая сидела перед выходом, ее единственной заботой было следить, чтобы посетители не путали входа с выходом. Понятно, она не обязана была отвечать мне, ибо специальные вопросы отнюдь не входили в ее компетенцию. Могла просто сказать: «Не знаю», «Меня это не касается». Бабушка же пустилась со мной, иностранцем, в разговор.

— Молодой человек, — с оттенком укоризны сказала она. — Сначала была индустриализация. А после войны? Людям где-то надо было жить...

Воспроизвожу ее слова приблизительно, однако главный аргумент помню отчетливо: советские люди должны были сосредоточить все свои силы и средства, прежде всего чтобы создать мощную промышленность, а уже потом взяться за другие проблемы. Если бы не удалось поднять тогда совет-

МИР И НОВАЯ КОНСТИТУЦИЯ СССР

Сергей ЛОСЕВ

Есть явления, всю глубину воздействия которых на развитие нашего общества, строящего коммунизм, на судьбы мировой цивилизации можно в полной мере оценить только по прошествии многих лет. К таким историческим актам относится новая Конституция СССР, проект которой только что вынесен на всенародное обсуждение. Уже сейчас, однако, можно безошибочно предсказать, что новая советская Конституция станет непреходящим событием огромного внутривнутриполитического и международного значения. Государственные руководители братских социалистических стран, пресса так называемого «третьего мира» в первых откликах на проект отмечают, что этот документ окажет долговременное и революционизирующее влияние на укрепление позиций сил социализма, мира и прогресса. Как подчеркнул на беседе в Кремле член Политбюро ЦК КПВ, Премьер-Министр правительства Социалистической Республики Вьетнам Фам Ван Донг, принятие новой Конституции СССР явится вдохновляющим стимулом для всех народов, борющихся за мир, демократию, национальную независимость и социализм.

Одной из причин и предпосылок для создания новой Конституции стали коренные изменения в международном положении нашей страны, ликвидация капиталистического окружения, возникновение социалистического содружества и превращение социализма в мировую систему, крах колониализма и возникновение десятков молодых независимых государств, рост могущества, престижа и влияния Родины. В отдельной главе о внешней политике СССР, которая впервые в истории нашего социалистического государства вводится в Конституцию, закреплены принципы ленинской политики мира, претворение которых в жизнь в международном масштабе было бы невысказано, не будь этих радикальных перемен. Отношения СССР с другими государствами, говорится в этой главе, строятся на основе соблюдения принципов взаимного отказа от применения силы или угрозы силой; суверенного равенства; нерушимости границ; территориальной целостности государств; мирного урегулирования споров; невмешательства во внутренние дела, уважения прав человека и основных свобод, равноправия и права народов распоряжаться своей судьбой; сотрудничества между государствами; добросовестного выполнения обязательств, вытекающих из общепризнанных принципов и норм международного права, заключенных СССР международных договоров. Эти благородные принципы, возводимые в основной закон политики нашего государства, несомненно, станут кодексом поведения для всех других государств, независимо от их социального строя. И разве не знаменателен тот факт, что внешнеполитический раздел проекта Конституции во многом перекликается с положениями Хельсинкского Заключительного акта.

Теперь на Западе любят поговорить на тему «Этика и политика». В Вашингтоне с приходом к власти новой администрации разглазговствуют о некоем «моральном лидерстве» Соединенных Штатов в мире. Даже если бы человечество забыло об Уотергейте, о преступлениях долгих лет вьетнамской авантюры, то как совместить эти чванливые «моральные проповеди» с насаждением диктаторских военно-фашистских клики, с сознательным закручиванием нового крутого витка в гонке ракетно-ядерных вооружений, с наращиванием Пентагоном средств массового уничтожения, с разработкой «нейтронной бомбы» — оружия идеального, с точки зрения буржуазии, так как нейтронное излучение убивает, видите ли, только людей (!), но оставляет нетронутой частную собственность? Разве есть что-либо аморальнее, чем покушаться на самое дорогое для человечества — на его жизнь и безопасность?

Проект новой Конституции опубликован у нас в год 60-летия Великой Октябрьской социалистической революции. И все эти шестьдесят

лет внешнеполитический курс Советского государства направлен на предотвращение агрессивных войн и последовательное осуществление принципа мирного сосуществования государств с различным социальным строем. Советский Союз последовательно и неустанно борется за реализацию величайшего права человека — права на жизнь. Включение в новую Конституцию отдельной главы, посвященной вопросам внешней политики, вновь убедительно демонстрирует желание советского народа жить в мире и дружбе со всеми народами, добиваться углубления разрядки напряженности.

От внимания международной общественности не ушла и такая черта проекта, как весомость материальных гарантий прав и основных свобод граждан СССР. Как указал Генеральный секретарь ЦК КПСС товарищ Л. И. Брежнев, «извращенному и опошленному буржуазной и ревизионистской пропагандой толкованию понятий демократии и прав человека мы противопоставляем самый полный и реальный комплекс прав и обязанностей гражданина социалистического общества. На весах истории мы кладем действительно эпохальные завоевания трудящихся, достигнутые благодаря власти рабочего класса под руководством Коммунистической партии».

На майском совещании руководителей семи ведущих капиталистических стран в Лондоне итальянский премьер Дж. Андреотти сказал, что право на труд — это одно из основных прав человека и оно должно быть гарантировано всем, в особенности молодежи. Но разве от этого «эпохального признания» стало легче 15 миллионам безработных в странах «семерки»? Что может противопоставить Запад все более широкому и деятельному участию советских трудящихся в управлении государством и обществом? Только прикрываемую завесой псевдодемократической фразеологии монополию класса капиталистов и ставленников корпораций и банков на решение всех дел, затрагивающих самые жизненные интересы миллионов.

Тот факт, что проект новой Конституции предусматривает дальнейшее укрепление социалистической законности и правопорядка, вынуждены признать даже те органы буржуазной печати, которые извели реки чернил, стремясь обогать и дискредитировать наш строй. «Нью-Йорк таймс» отмечает, что в своем докладе на майском Пленуме ЦК КПСС Л. И. Брежнев откровенно говорил об имевших место в отдельные годы после принятия ныне действующей Конституции незаконных репрессиях, нарушениях принципов социалистической демократии, ленинских норм партийной и государственной жизни. «Вашингтон пост» приводит в этой связи слова Генерального секретаря ЦК КПСС о том, что партия решительно осудила такую практику, и она никогда не должна повториться.

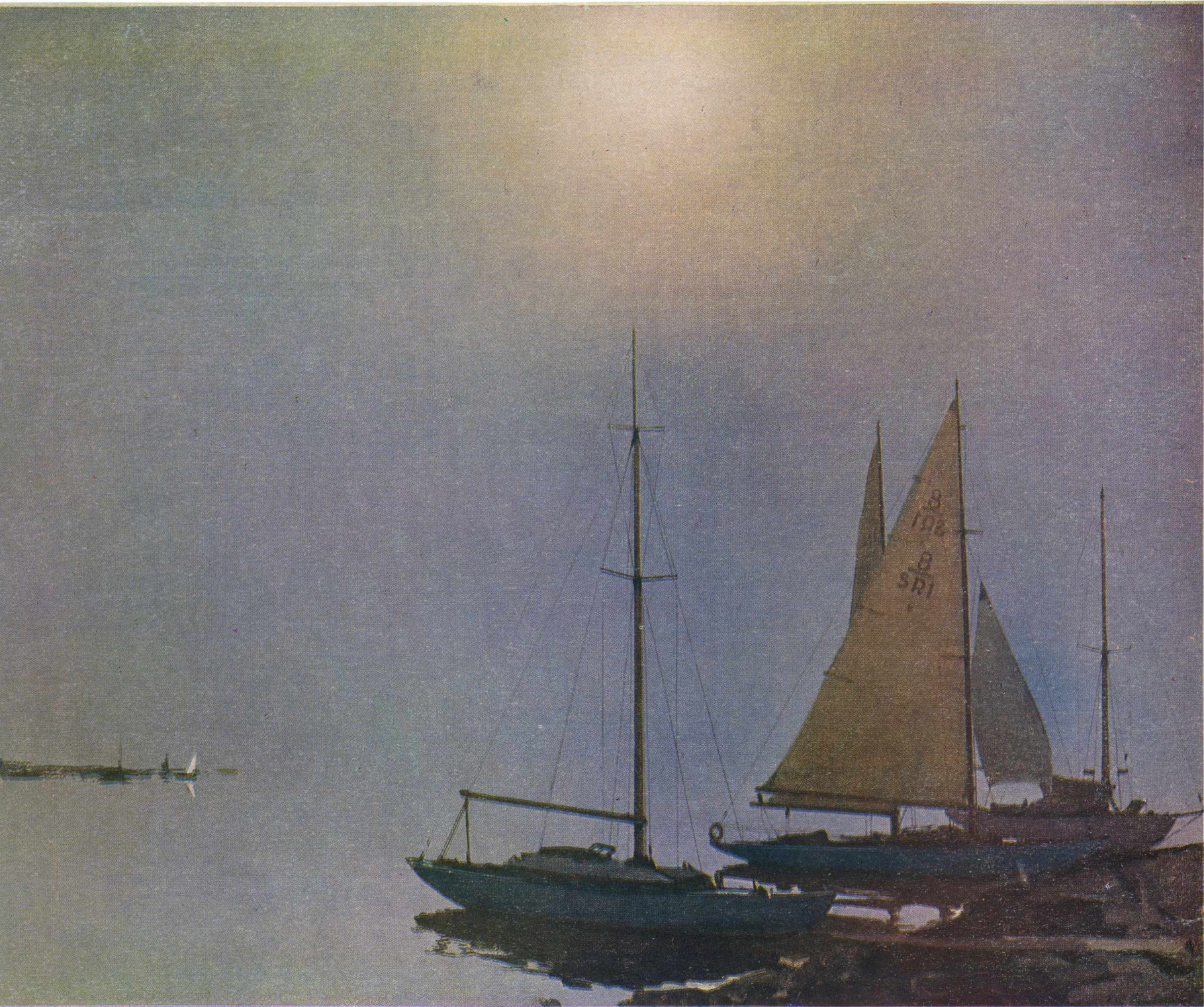
Разумеется, это отнюдь не значит, что буржуазная пропаганда отказалась от попыток извратить цели и смысл намечаемых преобразований. Но народы мира воочию убеждаются в том, что совершенствование социалистических общественных отношений и их преобразование в коммунистические, воспитание человека коммунистического общества, повышение материального и культурного уровня жизни трудящихся являются главными задачами партии и государства. Наш пример становится особенно осязаемым и притягательным на фоне мощного развития нашей экономики: достаточно сказать, что к 1980 году индустриальный потенциал Советского Союза по сравнению с 1970 годом удвоится. Социализм развивается уже на собственной основе, все полнее раскрываются созидательные силы нового строя, а трудящиеся получают возможность все шире пользоваться плодами великих революционных завоеваний.

ЛЕОНИД ИЛЬИЧ БРЕЖНЕВ.

Портрет работы Ивана Пензова.

Всесоюзная художественная выставка «Советский портрет».

Э. Калныньш. Род. 1904. МОРЕ. 1976.

XIII выставка произведений членов Академии художеств СССР.

ИСПЫТАНИЕ ОГНЕМ

Окончание. См. «Огонек» №№ 21—23.

Михаил ОДИНЦОВ,
дважды Герой Советского Союза,
генерал-полковник авиации

Рисунок П. Пинкисевича

В таком ослепительном сиянии разгоравшегося дня Матвей давно не приходилось быть в воздухе. Сегодня у него праздничное настроение: на задание он шел не один. Командир дивизии расщедрился и дал ему на прикрытие пару ЯКов. Это уже помощь.

После взлета, как всегда, Матвей решил перезарядить и опробовать пушки и пулеметы, чтобы подготовиться ко всем превратностям судьбы, но не тут-то было. Кран воздушной системы замерз и не открывался. На земле открывался, а тут нет. Самолет продолжал набирать высоту, внизу все шире расстилалась бескрайняя панорама яркой зелено-белой земли, выше — до боли в глазах сверкало голубое небо.

Он бросил ручку управления, расстегнул привязные ремни, чтобы было удобнее работать, и двумя руками пытался открыть замерзший кран.

— Эй, горбыль! Что у тебя машина, как пьяная, с крыло на крыло валится?

Матвей понял, что это обращение его товарищей по вылету.

— Не пьяная. Кран перезарядки никак не могу открыть.

— А ты постучи по нему.

Матвей вытащил из пистолета обойму и стал им, как молотком, стучать по крану.

Однако попытки ничего не дали.

— Хлопцы, я без оружия, не могу перезарядить. Может, пойти так?

— Ты на нашу совесть свою жизнь не клади. Давай назад.

— Давай-давай. На земле разведанных ждут!

В разговор вмешалась «земля».

— Прекратить болтовню. Давайте быстро на посадку. Маленьким дозаправиться. Осипову сейчас дадут другую машину.

Возвращение с боевого задания по неисправности самолета — явление редкое. И сейчас, подруливая к своей стоянке, Осипов увидел идущих начальника штаба и инженера пол-

ка и разозлился на себя, на Петрова, на самолет и мороз. Однако сделать ничего уже было нельзя. Сейчас станут его «пытать», смореть этот чертов кран. А задание сорвано.

Осипов выключил мотор. Спрыгнул на землю. Глянул на Петрова, стоящего в горестной растерянности у крыла, и вместо злости в груди появилось чувство жалости. Сразу вспомнилось, что техник ночь не спал, прогревая мотор. Какой сон, когда каждые два часа он выбирался из теплой землянки на мороз и гонял мотор.

— Брось, старина, не печалься. С этими кранами сегодня еще будут фокусы.

— Не успокаивай, командир. Первый раз за всю войну машина не ушла на задание. Что там ни будет, а срам на душу взял.

Матвей нагнулся, засунул руки в голенища унтов. Вытащил из одного пистолета, а из другого обойму и зарядил оружие.

Подошли начальники. Матвей хотел доложить, но Сергеев опередил.

— Ты, Осипов, не психуй и страху на нас не нагоняй. Оружие убери. Зачем балуешься?

— Не балуюсь, товарищ майор, а заряжаю.

— Выходит, с разряженным летал? Не похоже на тебя.

— Я в воздухе разрядил. Молоток был нужен для крана.

— С кранами мы тут разберемся, а ты иди на самолет командира. Как только истребители будут готовы, по зеленой ракете запуск и вылет по прежнему заданию.

— Понял. Не разбираться, а отогревать краны надо.— Хлопнул меховой перчаткой по крылу.— Я пошел...

Сергеев хотел прикрикнуть на лейтенанта, но сдержался, поняв, что вольности в поведении связаны не с проявлением недисциплинированности. Зная строптивость Куткова в вопросах субординации и устава, он прихватил его за руку и, сделав знак головой, запретил ему вмешиваться в разговор. Когда Осипов отошел шагов на пять, сказал инженеру:

— Не надо сейчас на это обращать внимание. Расстроен человек, перенервничал. И снова лететь.

Самолет из управления полка обычно никому на полеты не давался — теперь же Матвей получил его. Уже одно это обстоятельство подсаказало ему, что в вылете очень заинтересовано командование. Нужно было поторапливаться. После запуска мотора Осипов прямо на стоянке перезарядил пушки, пулеметы и теперь, подруливая к взлетной полосе, выбрав пустую окраину аэродрома, нажал на гашетку пулеметов — ШКАСы дружно рыкнули очередями. Нажал на пушечную гашетку — пушки ответили: да-да-да-да.

Взлет. Под крылом промелькнула опушка леса. Рычаг шасси на уборку, но... уши не слышат привычного шипения воздуха, а зеленые лампочки сигнализации — «шасси выпущено» — горят, механические солдатики на крыле показывают, что колеса с места не стронулись.

Отрегулировав мотору необходимые обороты и мощность, Матвей вновь поставил рычаг

уборки и выпуска шасси в положение «выпущено». Проверил кран воздушной системы. Все правильно. Кран открыт. Снова рычаг на уборку... Шасси ни с места.

Подошли ЯКи. Один пристроился слева, другой справа.

— Что, горбыль, решил маскироваться под восемьдесят седьмого?!

— Не зубоскальте. Мне не до смеха. Теперь колеса не убираются. Может, пойдём так?

— Не смейте людей. Подумай про нас. Что мы с тобой будем там делать? Тебя собьют и нас прихватят.

— Собьют или нет — еще вопрос. А вот бензину может не хватить. Возвращаемся.

— Я — Кама! Осипова на связь, — позвала земля.

— Кама, слушаю! Шасси не убирается.

— Я — Кама, знаю. Давай на посадку... Маленькие, триста пятнадцатый, как слышишь?

— Слышу хорошо.

— Идти на разведку парой самостоятельно. Район и задание прежние.

— Понятно. Выполняю... Ну, горбыль, до встречи!

— Ни пуха ни пера!

«Пропади они пропадом, такие полеты. Что же это делается? Как теперь людям в глаза смотреть. Второе возвращение в один день, и на разных самолетах. Что они там сейчас на земле обо мне думают?»

От волнения и обиды в голову ударила кровь. В ушах зазвенело.

Матвей уже не раз замечал: как только сильно разволнуется, обязательно появляется звон в ушах и тяжесть в висках. Это все та чертова фугаска сорок первого года, что упала на бруствер окопа, давала себя знать.

Ему сделалось жарко и стыдно, как будто он был сейчас в чем-то виноват перед собой, как будто бы он сам себя уличил во лжи. Умом понимал, что нет его вины ни в первом, ни во втором случае. Но все же люди вольны думать по-своему. А тут еще суд висит на шее.

«Охо-хо!.. Жизнь наша дрянная... Как ни крутись, а надо идти на посадку...»

Сергеев докладывал по телефону начальнику штаба дивизии:

— Осипов опять возвращается. Теперь шасси не убралось.

— У истребителей оружие стреляет и шасси убираются, а у него все наоборот.

— Ну в этом-то он не виноват. Тут мороз и инженерная служба.

— Это еще надо проверить.

— Мы все сделали. Сейчас на всех самолетах проверяются воздушные системы, оружие, шасси, бензин. Больше отказов не будет.

— На контрольную разведку за истребителями срочно послать Осипова. Он этот район хорошо знает и разведчик поопытнее.

— Надо бы дать ему передохнуть. Дважды вернулся, перенервничал, устал, суеверия мо-

¹ Юнкерс-87, немецкий пикирующий бомбардировщик, имел неубирающиеся шасси.

гут на психику давить. Он же не один в полку.
— Нет, такой — один... Сергеев, вы неправильно понимаете нашу позицию. Нашу, то есть командования дивизии. Чем больше он будет летать, тем быстрее снимем судимость и поставим его командиром. Командиры-то нужны.

— Все у вас получается правильно, но...

— Сергеев, учитесь выполнять.

В трубке щелкнуло, и разговор оборвался. Старший положил трубку.

«Прав». В армии тот прав, у кого больше «прав». Только сколько Осипову летать? Кто-нибудь определил эту норму во времени, в вылетах или в уничтоженной технике врага?
— Дежурный, взяты полторку, и срочно Осипова ко мне... Посыльный, подогрей летчику кружку морса на «буржуйке».

Русанов пригнал из тыла самолеты и обрадовал всех приятной неожиданностью: несколько машин было новой серии — с двухместной кабиной и пулеметом для стрельбы назад. Сдержал-таки Главный конструктор свое слово, данное им летчикам на аэродроме под Москвой. Теперь пилоты получали нового помощника — стрелка. Конечно, один или два стрелка в группе не могли решить проблемы обороны от истребителей, но вероятность внезапной атаки врага резко сокращалась.

Внезапность. Это из-за нее чаще всего «мессершмитты» добивались победы над ИЛом.

Митрохину приказали сразу же испытать новые самолеты в бою. Надо было посмотреть, какие новшества они могли внести в тактику и боевые порядки.

...Русанов вел за собой семь самых опытных пилотов полка. В прозрачном воздухе ярко освещенная солнцем восьмерка ИЛов была видна издали и своим клином напоминала гусиный косяк.

От яркого света ломило в глазах, и Афанасий Михайлович надвинул на нос летные светофильтры. Стало легче, и он посмотрел вверх. В поднебесье сверкали белыми крыльями ЯКи сопровождения. Разделившись попарно, они то пропадали за броней фонаря, то вновь появлялись в поле зрения. Потом двое из них, накренившись на крыло, пошли вниз, ближе к ИЛам. Догоняя строй, они все больше увеличивались в размерах.

В наушниках послышался треск от включенного приемника.

— Не горбатые, а гуси-лебеди плывут под нами. Издали нам кажется, что вы машете широкими крыльями.

— За комплимент спасибо. Скажи, с какого расстояния видна разница в самолетах.

— Четко метров с трехсот. Чем больше сбоку, тем виднее.

Пара ЯКов прошла наискось над строем и, оставляя за собой темные полосы выхлопных газов, вновь устремилась вверх. Задирая все больше и больше моторы к солнцу, ЯКи какое-то мгновение шли вертикально в белесую голубизну, потом опрокинулись на спину.

Русанов счастливо улыбнулся, понял: летчики не летели, а купались в наполненном солнечным светом, вымороженном до полной неподвижности воздухе. Это зимнее яркое величье покорило их и превратило в веселых детей. Но вот сверху ярко вспыхнули солнечные зайчики от крыльев, ЯКи провернулись вокруг продольной оси...

Капитан, подавив улыбку и вздохнув, начал готовиться к тому, во имя чего они сейчас были в воздухе. Не хотелось верить, что впереди, всего в пятнадцати километрах, в трех минутах полета идет война. Где-то находится командный пункт, и нужно с ним связаться, чтобы получить уточнение задачи. Такого в практике у него еще не было. Он очень хотел, чтобы эксперимент прошел удачно. Успех открывал бы в будущем большие возможности в повышении боевой эффективности штурмовиков.

— Всем приготовиться! Я — двести десятый, вызываю Молот!.. Я — двести десятый, вызываю Молот!..

Нагнулся вперед. Дотянулся до рукоятки настройки приемника и стал искать нужный позывной... В наушниках что-то пискнуло, и через шорохи эфира пробили звонкий девичий голос:

— Я — Молот, я — Молот, двести десятого слышу. Вызываю на связь!..

— Молот, я — двести десятый, слышу хорошо...

Ответ прозвучал неожиданно мужским голосом:

— Двести десятый, я — Молот. Цель подтверждаю. В воздухе пока спокойно...

— Молот! Я — двести десятый... Понял все... Понял!

«Вот это уже деловая и рабочая обстановка. Если что, так и подсказать могут».

Посмотрел на ведомых... Клин ИЛов сосредоточился на пары. Справа на самолете Маслова стрелок катал на турели пулемет от одного борта к другому и прилаживался к нему, чтобы было сподручней стрелять. По внутренней связи вызвал своего стрелка.

— Тихонов! Через минуту линия фронта. Держи ухо остро, а глаза открой пошире...

Показался город. Копоть войны испачкала девственную чистоту снега, а потом испоганила и лазурь неба рыжеваточерными разрывами зенитных снарядов. В грязной пестроте домов и улиц Русанов не видел стрелявших, а железнодорожная станция просматривалась издали. Ему захотелось сразу повернуть группу на станцию — так быстрее можно было выйти на дальность начала пикирования, но это раскрывало зенитникам его планы, лишало свободы маневра.

«Ближний путь еще не самый короткий в на-

шем деле. Наскочишь на заградительный огонь». Решил уходить от разрывов ступеньками влево, прячась под солнце... Посмотрел на ведомых — все на местах. Голову вверх — ЯКи в развороте шли боком к земле.

— Цель вижу... Похитрить надо... Атака правым разворотом.

Когда разрывы подбирались близко, Русанов отворачивал, прибавлял скорости и снова выжидал... Выжидал и твердил сам себе: «Смотри не опоздай с маневром. Четвертый или пятый залп должен попасть по группе...»

Пора было начинать атаку.

— Маленькие, как там у вас?

— Пока тихо! Хватит петлять.

— Уже все! Пошли в разворот...

В лобовом стекле вместо неба появились бегущие справа налево улицы и дома, потом станция. Русанов вывел машину из разворота и по прицелу навел самолет на пылящий белым дымом паровоз в голове состава — земля, паровоз, вагоны летели прямо на него...

Тихонов не был новичком в авиации, но сегодня выполнял свой первый боевой вылет на штурмовике. Непривычный для него боевой порядок группы, хождение над ним истребителей, разрывы зенитных снарядов — все это он воспринимал как должное. Но когда командир положил машину в крутой разворот, у него создалось впечатление, что самолет не разворачивается, а, накренившись, летит животом вперед. Земная пестрота, разрезаемая надвое

килем и рулем поворота, стремительно вырвалась из-за стабилизатора и уносила в сторону. От неожиданной перегрузки более тяжелая задняя часть пулемета вырвалась из рук и ушла вниз к патронному ящику. Взял снова пулемет в руки и упер его в грудь — так было легче держать. Потом земля пропала. За хвостом остались одно небо да разрывы зенитных снарядов.

Тихонову показалось, что подвесное сиденье из-под него кто-то выдернул; он поплыл по кабине, а потом стал куда-то падать на спину, отчего никак не мог вначале вдохнуть, хотя воздуха в груди явно не хватало.

— Ага! Началось пикирование.

Справа к самолету потянулись светящиеся нити снарядов или пуль, но, не успев его перехватить, отстали.

Наконец спина обрела точку опоры. Тихонов успокоился, глубоко вдохнул прохладный, чуть пахнущий бензином воздух и обрел способность смотреть и думать.

Рядом, кроме самолета Осипова, пикирующего левее их, никого. Сзади было небо.

Упираясь спиной в бронеплиту бензинового бака, думал:

«Да, секунды ответственные, а сделать в таком положении сейчас ничего нельзя... Стрелять невозможно... Вздрыгнул от неожиданно резкого воя. Самолет Осипова охватило с крыльев пламя, и только когда вместе с грохотом пушек и пулеметов он уловил тряску своего самолета и запах пороха, догадался: «С воем ушли эрсы. Соседний самолет не горит — стреляет».

В это время его вдавило в сиденье, пулемет опять вырвался из рук, небо ушло вверх, показалась земля и идущие сзади самолеты.

Русанов вывел самолет из атаки.

— Командир, ИЛы все!

— Где истребители?

Стал искать ЯКов. Увидел в вышине хороший из самолетов. А ниже — четыре с прямоугольным крылом — «мессеры»!

— Командир, ЯКИ отстали. Дерутся! На нас идут две пары «сто девярых».

— Дай сигнал — красную ракету.

Тихонов взял заранее приготовленную ракетницу. Выстрелил — и сразу за пулемет. Чем ближе подходили немцы, тем громче стучало сердце. Тихонов еще раз проверил, как заправлена патронная лента в ШКАС, нет ли где перекоса. Откатил пулемет к левому борту и перебрался направо, откуда шли «мессеры».

Русанову немцев не было видно: мешала броня фонаря.

— Где там фрицы?

— Догоняют. Разошлись по два... Вот пошли в атаку на фланговых...

Облизнул сразу пересохшие губы. Расставив пошире ноги, заклинил себя между бортами кабины. Ноги обрели устойчивость, а руки мелко дрожали.

Капитан стал убавлять скорость, уменьшил обороты мотора почти наполовину. Взгляд в форточку: налево-назад, направо-назад. ИЛы Шубова и Маслова со своими ведомыми накренились и, показывая друг другу спины, пошли с фланга на фланг, уводя за собой атакующих. Прошло несколько секунд — кривые их полета пересеклись у него за хвостом. И в это время сзади раздалась пулеметная очередь. Линия атаки «сто девярых» надломилась, и они пошли вверх.

Теперь Русанов, добавив мотору мощности и снижая еще больше свою четверку к земле, старался набрать потерянную скорость полета, чтобы помочь занять свое место в строю проскочившим над ним ИЛам. Собрал снова всех в кулак. Маслов и Шубов летели рядом.

А немцы? «Мессершмитты» вышли вверх на фланги группы и плыли параллельным курсом. В атаку пока не шли. Наверное, думали: «Что же произошло? Какие такие задние пулеметы? Откуда?» Но вот, видимо, совещание кончилось. Решили еще раз попробовать ухватить кого-нибудь за «бок».

— Пилоты! Атака, не зевать!

Обе пары друг за другом падали на один фланг, на Маслова. Шубов крутым разворотом стал выводить свою пару «мессерам» в лоб. Маслов выжидал, смотрел, как сокращается расстояние.

— Пора! Разворот!

И опять Маслов несся боком над Русановым, обходя пару Шубова впереди.

Ведущий немец, видя, что ИЛы уходят из его прицела, выбросил вслед штурмовикам метров с пятисот три длинные огненные очереди, но они пролетели за хвостами. Не попал. И сразу кинулся от Шубова вверх.

Тихонов смотрел через прицел, как «мессер» отворачивал от наших пулеметов. Ведущий немец на пикировании набрал большую скорость, и теперь его выносило на пулемет. Второй отвернул раньше и был не опасен. Можно было подождать еще маленько. А этот... Немец заслонил собой все кольца прицела. «Ох, и хорошо! Получай!» Пулемет бил в плечо, стремился вырваться из рук. Отпустил спусковой крючок. Посмотрел влево. На самолете Пошиванова от заднего пулемета тоже тянулась к немцу огненная струя. «Мессершмитт» вспыхнул, уносясь от них все дальше влево...

Радость победного возвращения у штурмовиков была недолгой. Через несколько минут после их посадки пришли домой и ЯКИ. Одного у них не хватало — летчик выпрыгнул из горящего самолета над территорией противника.

Не хотелось Матвею в его положении брать на себя ответственность за чью-то жизнь, но Мельник все же уговорил. Теперь он и на земле и в полете был не один — учил нового летчика войне.

В молоденьком сержанте еще жила детская непосредственность — все его думы и переживания можно было прочесть на широкооткрытом лице, а черные раскосые глаза доверчиво смотрели на окружающий мир.

Осипов уже сделал в паре с Борубаем несколько боевых вылетов, но не увидел в них инициативы ученика. Злость войны и ненависть к врагу не проснулись пока в его сердце. Он еще не видел горя и смерти близких, его самого не опалила боль раны, не испугала близость собственной смерти.

Глядя на Борубая, Матвей вспоминал свой первый день войны: они, лейтенанты и сержанты сорок первого, тоже не видели и не чувствовали смерти, пока она их не ударила наотмашь. И у тех, кого война не убила сразу и не искалечила, смелость незнания постепенно сменялась зрелой настороженностью, злостью и напористостью в бою, потому что только неослабное напряжение позволяло превозмочь себя, инстинкт самосохранения, идти в огонь, не убежать от врага, а нападать и, даже защищаясь, побеждать.

...Потеплело. Небо хмурилось, воздух над опушкой леса туманился, а настроение у летчиков в полку было праздничное. Линия фронта отодвинулась далеко на запад. Окруженные в Великих Луках фашистские войска явно доживали последние дни. Кольцо вокруг города все больше сжималось. Надежды немцев на деблокирование рухнули. Со своими их теперь связывало радио да транспортные самолеты, пробравшиеся к ним в плохую погоду и ночью.

Осипов и Борубай собирались лететь. Матвей, поздоровавшись с Петровым, с улыбкой смотрел, как его ученик, чуть наклонив голову набок, принимал доклад о готовности самолета к вылету. Сержанту, видимо, было мучительно неловко стоять перед рослым воентехником второго ранга. Наверное, он не мог примириться с такой ситуацией, что сержанту докладывает старший по званию. Тем более что в его народе старший всегда почитается и уважается младшим. Чувствовал это по себе, потому что за все время их совместной службы он еще не слышал от пилота других слов, кроме: «Хорошо, командир; сделаю, командир; виноват, командир».

...ИЛы летели низко над землей. Под крылом в неширокой лесной просеке, как в высоких берегах, струится ручеек железной дороги, пробирающейся к Великим Лукам. Рыхлые грязно-серые облака висели над самой кабиной. Впереди взгляд упирался в водянистую сизость. Когда до города остались считанные километры, видимость начала улучшаться, а облачный козырек чуть приподнялся вверх. Уже можно было что-то разглядеть и на земле и впереди себя.

— Самая погода для транспортников. Приготовиться! Смотреть внимательно!

Лес кончился, и на снегу показалась грязная, рыже-красная куча битого кирпича, хаос набок поваленных крыш и еще чего-то, что раньше называлось домами, заводами, станцией и улицами — было городом. Жиденький огненный фейерверк звизжал перед носом самолетов Осипова и Борубая... Мимо.

— Давай, Бору, чуть вправо. Где-то тут в развалинах пакгаузов еще есть артиллерия. Не видно только.

Станция осталась позади. Западнее щель и рваного железа — аэродром.

Тот же пусто...

— Молот! Не видно пушек, и самолетов тоже нет. Куда бомбы бросать?

— Я — Молот. Надо завалить водонапорную башню, там у них наблюдатели. А потом побаражировать над территорией юго-западнее аэродрома. Пока есть горячее. Может, какой-нибудь и прилетит.

— Понятно. Выполняем!

Пара Осипова обогнула вражеское кольцо с юга, вышла вновь на железную дорогу и развернулась на запад.

— Бору, эрсы пускать будем по одному, чтобы в лоб нам не стреляли. Бомбы бросать по моей команде самой плотной серией. Становись поближе. Понял?

Самолет ведомого покачался с крыла на крыло. И опять впереди реденькими красными прожилками огневая завеса. Осипов повел машину со снижением к земле, стреляющих не увидел, но послал вперед два эрса. Вдогонку ушли цепочкой снаряды сержанта.

— Не горячишься! Побереги.

Над развалинами показалась башня. Матвей по прицелу повернулся на нее. Больше маневрировать было нельзя. Снова послал вперед два снаряда и стал ждать, пока самолет придет на дальность бомбометания...

— Бору, приготовились... Бомбы...

— Молот, сбросил. Замедление семь секунд.

— Выходи из огня. Результат сообщит пехота.

Внизу опять снежное поле с прокатанной взлетной полосой, пустыми самолетными стоянками. Но сейчас зенитчики уже не спали: встретили ИЛов разноцветными всполохами трасс. Осипов услышал хлопок разрыва, щелчок попадания, самолет слегка трянуло, как на воздушной яме. Территория врага кончилась.

— Как там у тебя, все нормально?

Борубай покачал самолет с крыла на крыло. Матвей осмотрел сколько мог самолет, проверил его исправность по приборам и пришел к выводу, что попадание пришлось по пустой конструкции. Можно было дежурить.

Осипову давно уже надоело петлять над перекрестком дорог, выписывать в воздухе бесконечное число раз фигуру, похожую на цифру восемь. Глаза намозолила однообразная облачная серость и мелькающая безлика пестрота под крылом. Матвей уже не искал в небе неожиданно появившуюся точку, которая могла быть самолетом.

За эти двадцать минут над Великими Луками побывало еще три пары ИЛов, но смены ему пока не давали. Он завидовал приходившим позже него. «Сделал быстро, что приказали, — и восвоюсь». Завидовал им и сочувствовал Борубаю, которого, наверное, уже до тошноты довела сегодняшняя тренировка в групповой слетанности.

Горячее подходило к концу. Пора было проситься домой.

— Молот, я сто тринадцатый, мне домой пора по горячему.

— Сколько еще можешь подежурить?

— Не больше двенадцати минут.

— Хорошо! Сделай еще две восьмерки, мы тебя сменим очередной парой.

— Понял, выполняю.

Прошло две-три минуты, и в эфире прозвучала тревога.

— Сто тринадцатый, я — Молот, как слышишь?

— Хорошо слышу.

— Сейчас пехота передала, что минут пятнадцать тому назад на Луки прошел «юнкерс». Давай быстро за ним.

ВСЕ В

— Понятно... Борубай, пошли! Скорость побольше, может, еще и не улетел.

Матвей повел машину вверх, поближе к облакам, чтобы был побольше обзор, да и стрелять на пикировании сноровистей. Минута полета, и впереди снова показались развалины, а ближе и левее белое-белое ровное поле. Ю-52² уже взлетал.

— Бору! Видишь «юнкерс»?..

Посмотрел на ведомого. В форточке фонаря торчала рука и поднятый вверх палец.

— Хорошо. Атакуешь первый. Выход из атаки с разворотом вверх. Если не собьешь — повторная атака.

Светлячки снарядов зенитной артиллерии остались сзади. «Юнкерс» уже в воздухе. Моторы на полной мощности коптели. Летчик сколько мог задрал самолет вверх — набирал высоту. А до облаков ему всего триста метров.

— Бору, бей наверняка, облака близко. Ну, пошел! Прикрою.

Матвей круто положил машину на левое крыло. Отсчитал в развороте десять секунд и сразу вправо. Взгляд назад. Сзади все спокойно, истребителей нет. Нашел впереди «юнкерс» и вписавшийся в его хвост ИЛ. Борубай стрелял, вражеский стрелок тоже. Кто кого?

Осипов сам пошел в атаку. Передний ИЛ начал отваливать и, хотя еще было далеко, Матвей дал пушечную очередь.

«Юнкерс» приближался. Матвей наложил поперечную линию прицела на передний мотор и нажал на все гашетки.

Проскочил под угловатым фюзеляжем и с разворотом пошел вверх. Самолет врага перевернулся на спину и, наклонившись моторами вниз, устремился к земле...

— Бору, хватит. Пристраивайся. Пойдем домой. Поздравляю с первой победой!..

Борубай ликовал. Впервые перед ним так близко был враг, и он стрелял в него. Возбуждение от атаки не проходило. Борубай нет-нет да и смотрел в прицел, где только что, всего десять минут назад, видел вражеский самолет. «Юнкерс», как икрайной сазан, был неповоротлив. Близкое расстояние позволило рассмотреть подпалыны от моторной копти на крыле и фюзеляже, черную полосу, окантовывающую опознавательный крест. По рулям управления было видно, что фашистский летчик пытался сманеврировать, но не успел.

— Бору, хватит бездельничать! Выходи вперед. Пойдешь домой самостоятельно. Я буду ведомым.

Борубай, услышав в этом окрике улыбку, обрадовался. Добавив обороты мотору, стал обгонять самолет Осипова.

«Хорошо, командир. Буду учиться, командир. Стараться буду».

Праздничность победного возвращения, поддержанная поздравлениями товарищей и начальников, подогретая глотком водки за ужином, продолжала будоражить.

Настала ночь, но сна не было. Сержант ворочался, вздыхал, начинал тревожиться за спящих рядом. А потом как-то сразу провалился в черное и безмолвное забытье. Но вскоре это спасительное, возвращающее силу беспмятство сменилось действием. Борубай ярко увидел перед собой «юнкерс», сетку прицела, услышал грохот пушек и запах пороха. Илы низко неслись над лесом. Лицо командира то появлялось, то исчезало за боковой броней фонаря.

Затем ему стало казаться, что он не летит. И рядом, чуть впереди, не самолет командира, а конь деда Балты. Старый табунщик ищет по степи волка. Лошади с брошенными поводьями нетряско несут их. Пастух в высоком деревянном седле сидит, как влитой, сосредоточенно молчит и, прищурившись, осматривает степь. И как он ни старался, все же глаза старика раньше увидели зверя. Дед послал лошадь внамет, вытащил из-за пояса камчу с железным шариком на конце, и погоня началась.

Волк, не оглядываясь, уходил широкими прыжками. Позади остались лог, потом увал, а скачка все продолжалась. Кони уже устали, когда матерый сбавил ход, и всадник достал его хлыстом. Камча резко свистнула, опуска-

ясь вниз, хищник кубарем полетел через голову. Они оба проскочили вперед, и, пока разворачивали всхрапывающих коней, волк, оскалив клыки, присел по-собачьи на задние лапы, чтобы через мгновение кинуться в сторону. Но теперь он бежал неходко, как-то неуверенно, будто бы под ним качалась земля.

На этот раз Балты быстро догнал хищника. Камча вновь опустилась, и волк упал, чтобы уже больше не подняться. Но почему-то, когда волчина перевортывался на спину, у него появились крылья с крестами.

Борубай проснулся. Волк и «юнкерс», сведенные сновидением в один ряд, пропали. В тишине слышно было посапывание спокойно спавших. Где-то за черным потолком, выше крыши, в глубоком ночном небе на тихой басовой ноте гудел железный шмель.

«Чей? Война не спит... А ты, Борубай, далеко улетел, в самое детство. Забыл наказ командира, что про войну нельзя забывать и во сне. Злости не будет. А без нее убить могут. Сам станешь для «мессершмитта» убегающим волком...»

Но тут опять мысли перепутались, и он провалился в бездумную тишину.

Освобождением Великих Лук начался новый год на Калининском фронте. В потоке названий городов и деревень, освобождавшихся во время зимнего наступления Красной Армии, это событие для некоторых, может, прошло и незамеченным. Но для Борубая оно было памятным. В боях за этот город он почувствовал себя воином, сбил свой первый самолет и получил главную солдатскую награду — медаль «За отвагу». Так уж получилось, что Митрохин вместе с медалью вручил ему и офицерские погоны младшего лейтенанта. Летчик радовался этому и одновременно сожалел, что не пришлось поносить заветную, золотом окантованную, голубую петлицу с красным эмалевым кубиком.

Вручая награды Борубаю и Шубову, Митрохин не был спокоен. Только он один знал, что в штабе дивизии лежит орден Осипова, который искал его с сорок первого года. Не мог он зачитать перед строем указ о награждении человека, осужденного судом. Надо или отсылать орден назад, или реабилитировать летчика.

«Легко сказать, а ведь это — писать представление в Москву, брать на себя ответственность. Проще решить вопрос с командиром дивизии. За снятие судимости и замполит перед политотделом походатайствует». Не любил он кого-нибудь просить, не любил и просьбы выслушивать. Но тут надо было себя превозмочь. Тем более что где-то глубоко в груди жило чувство благодарности к этому парню за памятный весенний вылет. Решившись все же хлопотать о снятии судимости с Осипова, Митрохин теперь искал удобный случай. Он боялся осечки, понимая, что если с первого захода этот вопрос не решат положительно, то потом его или не будут вторично слушать, или Осипов не доживет.

И вскоре такой случай представился — пришел долгожданный великий праздник. Митрохин прочувствовал это на себе и убедился на поведении своих подчиненных, читая перед строем полка:

«...Войска Донского фронта в 16.00 2.2.43 года закончили разгром и уничтожение окруженной сталинградской группировки противника... В связи с полной ликвидацией окруженных войск противника боевые действия в городе Сталинграде и в районе Сталинграда прекратились...»

Последние слова потонули в криках «Ура!». Они неслись не умолкая. Строй рассыпался: объятия, поздравления, смех радости! Он, командир, не мог и не хотел обвинять людей в неуставном поведении. Восторг должен был найти выход. Эта энергия порыва была введена Митрохиным в русло митинга.

Говорить хотели все. Слушая горячие речи, клятвы бить врага насмерть, он тогда и сам еще не осмыслил величия происшедшего. Он слушал, радовался, но это не мешало ему обдумывать одну мысль: в эти дни можно было решать все затруднительные для командования вопросы, в том числе и судьбу Осипова.

Вскоре с Осипова сняли судимость. И его душа вырвалась из темноты в яркий солнечный день.

Людмила
ШАМЕНКОВА

ЧУЖАЯ МЫСЛЬ

Услышанное где-то от кого-то, прочитанное в зыбком полусне, — чужого поиска достойная работа. Приходит независимо ко мне. И я не замечаю, как случилось, что свойство незнакомого ума с моим как бы в одно соединилось. И стало проявлением меня. Чужая мысль не падчерица — дочка. Родство, похоже, сделалось прямым. Чужое слово, сказанное точно, явилось откровением моим. И как бы ни старалась я безмолвно, а все же не могла постичь вопрос: что выстрадано мною безусловно, а что на чью-то боль отозвалось.

ПРОХОДНОЙ ДВОР

Железная спираль крыльца, тоннель простуженный и гулкий. В сто лиц изнанкою торца глядит Козицкий переулочек. Сплошное шарканье подошв, как будто трут сухарь на терке. И добела, как ходкий грош, нашлепка сточной ямы стерта.

В простенках этого двора стоял нетленный запах супа, Рыжела ржавая кора. На скользких каменных приступках.

А окна, не боясь суда, выбрасывали веер бязи. И вел безмолвно счет годам. Карниз в оборках по-лабазы.

А в сорок первом этот дом, как и другие, охраняли. Мешки тяжелые с песком. Вокруг него горой лежали.

² Ю-52 — транспортный трехмоторный самолет.

ЭТОЙ ЖИЗНИ- ДВИЖЕНИЕ...

Набитым синькою кульком
Чуть тлея лампочка в подъезде.
И окна марлевым крестом
Напоминали о порезе.

Цвет угля дом предпочитал.
«Убежище»,— твердили стены.
И стрелка метила в подвал,
Куда вели его ступени.

В те годы силы берегли.
Сосед с соседом мирно ладил:
Бог знает из чего пекли
Тяжеловесные олады.

А иногда сквозь гул войны
И бедный запах керосина
Был слышен из-за рам двойных
Далекий голос пианино.

Быть может, там играл старик,
Чтоб заглушить привычный голод,
Но, благодарный звукам, город
Внимал, как нежно тает Григ.

Ах, это пенье, струн волненье,
Старинных клавиш перламутр,
Среди фугасок, затемненья
И серых, беспокойных утр.

Оно несло дыханье детства,
Огни блистающих катков
И эту странность интереса —
Потрогать медный ряд колков...

Была в игре чуть слышной этой
Своя заветная струна:
Дышать и жить одной победой,
Пока на запад шла война.

В МЕТРО

Худые чашечки коленей.
Лицо заплакано навзрыд.
От пережитых потрясений
Она невольно вся дрожит.
Быть может, муж ее оставил,
Без сил влачит она себя
На службу, где ее ославят
Ее неверные друзья.
А может, муж при ней, но это
Страшней, чем если б он ушел.
Она уже не видит света, —
Так застарел у них раскол.
К чужим страданиям непричастный,
Стучал вагон и скрежетал.
Неслась проводка, тек металл,
Движеньем диктовало властно
Дверям разжим и новый сжим.
И вдруг как будто бы иным
Лицо заплаканное стало
Под мерный ход и стук дверей
И блеск бегущего металла.
Ее как будто унесло
Движеньем, ветром,— и спасло
От боли и от впечатленья,
Что нет на свете излеченья.

●
Я помню сумрачное зданье.
Погода жуткая была.
Мы не добились пониманья.
Ты молча ждал, чтоб я ушла.

Все было зря.
Кругом кривлялись
Обломки каменных гримас.
Не над собою издевались —
А надо мною в этот раз.

Зияла каменная ниша.
Душа катилась в пустоту.
Мою любовь назвал ты лишней,
Несовершенной — простоту.

Вдруг смех напротив, бег упругий.
И девочка, слегка привстав,
Повисла, будто тонкий пруттик,
Отца доверчиво обняв.

Все это длилось лишь мгновенье,
Но обожгло, как сильный свет.
Ненужным стало объясненье,
На все был дан простой ответ.

●
Что-то меня перекраивает,
Я изменяю себе,
Что-то как будто вытравляет
В необъяснимой борьбе.

Как я хотела бы цельности
И неизменности чувств.
Но изменяются ценности,
И я им — увы! — поддаюсь.

Рвутся во мне обещания —
Те, что я прежде дала.
Новые вдруг очертания
Приобретают дела.

И, протестуя рассерженно
Против давления лет,
Я понимаю: приверженность
К собственной косности — вред.

Выжить нельзя, если замкнута
В жестком упорстве цепей.
Преданность, ставшая памятью,
Мстит слепотою своей.

Все в этой жизни — движение
И торжество перемен.
Выдаст души затвердение,
Выручит свойство измен.

УХОДИТ МОЛОГА

Равнину ли взглядом окинешь,
Пройдешь ли над сонной рекой, —
Таинственно канувший Китеж,
Как сон, возникает порой.
О городе том позабыли,
Хоть был он когда-то живой.
Все тайны и думы проплыли,
Как парус над синей водой.
Но повесть его погруженья —
Не только удел старины.
Печальные исчезновенья
И в наши случаются дни.
Прощайте, осталось немного.
Уже подступает вода.
Уходит, уходит Молога
От нас на века, навсегда.
Все ближе бегущие волны,
И взгляд настороженных глаз
Следит за водой неуклонно, —
Уходит Молога от нас.
Ах, если бы мог этот город
От плещущих волн отойти
И неумолимость невзгоды
Тем самым шутя отвести.
Тогда, передвинувшись молча
Подальше от бурной воды,
Опять засветились бы ночью
Окошек уютных ряды.
И снова спирали крылечек
Ласкали бы ясность очей,
И множество мягких колечек
Вилось бы из теплых печей.
А вдоль уцелевших окраин,
Бросая лиловую тень,
Густела б в зеленой оправе
Хмельная от счастья сирень.
И вдаль унеслись бы тревоги,
И каждый, кто видел здесь сны,
Всегда на свиданье с Мологой
Спешил бы в начале весны.
Прощайте, теперь уж недолго.
Уже подступает вода.
Уходит, уходит Молога
От нас на века, навсегда.
Мы шепчем кому-то: «Не сразу!
Весь мир — неизбывно пустой,
Когда обрываются связи
С кормившею память землей.
Без нежности нашего детства
Для нас и любовь не жива.
Не справится нежное сердце
С потерей такого родства». —
Но надо набраться терпенья
И в этой утрате понять
Просторов других наступленье,
Которых душой не обнять.
Давайте ж вспомним Мологу,
Отдавшую в жертву себя
Морскому могучему богу,
Укрывшему город, любя.
Неведомы будут тревоги
Потомкам грядущих веков.
Прошепчет им тайно Молога
О силе высоких ветров,
О мощи ума и дерзанья,
О счастье волнующих дней,
Расправивших парус преданья
Над гордым простором морей.

В. П. ТИХОМИРОВ,
токарь-расточник Москов-
ского электромеханического
завода имени Владимира
Ильича

Н

ачалось всена-
родное обсуждение проекта но-
вой Конституции СССР, о котором
доклаживал на майском Пленуме
Центрального Комитета КПСС Ле-
онид Ильич Брежнев и который
опубликован неделю назад. В
проекте углублены, развиты и рас-
ширены положения о конкретных
социально-экономических правах,
затрагивающих самые основы
жизни людей, гораздо полнее,
чем раньше, сформулированы по-
литические права и свободы
граждан СССР.

Сегодня мне хочется под-
черкнуть еще одно: в проекте но-
вой Конституции указано, что «ис-
пользование гражданами прав и
свобод не должно наносить ущерб
интересам общества и государст-
ва, правам других граждан».

Мне в прессе выступать непри-
вычно, я рядовой, обыкновенный
рабочий, привык иметь дело с ме-
таллом. Но в последнее время на-
копилась, как говорится, потреб-
ность высказаться. Я имею в виду
шумиху насчет прав человека, ко-
торую подняли на Западе. Так
распоясались там некоторые дея-
тели и органы информации, что
даже самым терпеливым хочется
поговорить с этими господами по
душам.

Первым делом один вопрос:
кто вас, господа любезные, при-
глашал в защитники советского
народа? Отщепенцы, отрекшиеся
от Родины и уехавшие к вам? За
кого же вы тогда принимаете
260-миллионный советский народ,
если выдаете десяток дисси-
дентов, как модно теперь гово-
рить на Западе об отщепенцах, за
его полномочных представителей?
Надо бы вам помнить, что мы о
защите никогда никого не про-
сили, мы сами себя защищать
умеем.

Неужели господам «проповед-
никам» и в голову не приходит
такая простая мысль, что своими
измышлениями о нарушении прав
человека в нашей стране они
этого самого Человека глубоко
оскорбляют?

Я, чем больше слышу таких
«проповедей», тем больше ду-
маю о том, как неразумно тра-
тят свою энергию «проповедни-
ки» — им бы о своем доме поду-
мать, о своих проблемах. Но для
этого требуется искренность и
честность. И главное — заинтере-
сованность. Куда проще зани-
маться измышлениями о том, как
живут в чужом доме. Отвлекает
от собственных «болячек»...

Давно прошли те времена, ког-
да безграмотные массы можно
было обманывать сказками о ка-
ких-то придуманных преимущест-
вах так называемой буржуазной

демократии. И когда разговор за-
ходит о правах человека, мы точ-
но знаем, что такое настоящие
права и как и где они соблюда-
ются.

Отщепенцы, покинувшие Роди-
ну и теперь зарабатывающие на
жизнь злобой и клеветой на
страницах разных «континентов» и
«посевов» и на волнах различных
антисоветских радиостанций, пы-
таются изображать из себя за-
щитников свободы и прав челове-
ка. Главной свободой для себя они
считали и считают свободу клевет-
ать на наш строй, на Коммуни-
стическую партию и на социали-
стическую систему. Но ни одно
уважающее себя государство та-
кой клеветы не может терпеть.
Диссидентам в пределах Совет-
ского Союза публично вести анти-
советскую пропаганду не позво-
лили — и вот они уже ярые побор-
ники прав человека.

Они не хуже нас знают, что
именно считается основными пра-
вами человека. Это право на труд,
на отдых, на образование. А раз-
ве требуется им объяснить, как
обстоит у нас дело с националь-
ным вопросом? Миллионы ино-
странцев, побывавших в СССР, и
среди них те, кто был настроен
более чем предвзято, могли во-
очию убедиться, что все нацио-
нальности и народности, входящие
в Союз Советских Социалистиче-
ских Республик, совершенно рав-
ноправны. Ни одному советскому

нее ясно. И разве бы я удивил
тех, кто готовит лживую информа-
цию, если бы снабдил их, напри-
мер, таким мелким в масштабах
государства фактом, что в прош-
лом году в пионерских лагерях
моего родного завода отдохнуло
1200 ребятишек или что в наших
детских садах 550 мест? Потому
они и клеветают тем яростнее, чем
больше подобных фактов стано-
вится известно простым тружени-
кам за рубежом. Для чего? Тоже
понятно.

Есть на Западе люди, которым
не по душе всякое потепление на
международной арене, которые
рассматривают разрядку напря-
женности как угрозу личному
благополучию и самому существ-
ствованию капиталистической систе-
мы. Сколько непрерывных, упор-
ных усилий потребовалось нашей
партии, стране, чтобы смягчить
обстановку с помощью мирных
инициатив, каким нелегким был
путь к Хельсинкскому совещанию,
и вот теперь враги разрядки пы-
таются свести на нет все усилия.
И для этого не брезгают услуга-
ми жалких отщепенцев, кото-
рые — я в этом уверен — лет че-
рез пять «райской» жизни рады
будут на животе приползти на
Родину, да уж поздно будет.

Они кричат о правах человека,
но почему-то молчат о том, что в
Соединенных Штатах больше се-
ми миллионов безработных, а не в
такой уж многолюдной Англии —

ципального совета лондонского
округа Ламбет. А немного раньше
делегация Ламбета была гостьей
Москвы. У нас установилась друж-
ба.

Принимали нашу делегацию ра-
душно, с истинно широким госте-
приимством, а в парламенте, в
знак особого внимания, во время
приема потчевали картошкой в
мундире, и это было по-настояще-
му трогательно.

Честно сказать, как и русское
гостеприимство, английское пока-
залось мне слишком перегружен-
ным всякими застольями, а это
само собой сокращает время для
других общений. И все же за
короткий срок пребывания в англий-
ской столице я успел почувство-
вать симпатии простых англичан к
советским людям, сумел ощутить,
что если между представителями
двух наций нет искусственно со-
здаваемых преград, они отлично
понимают друг друга. При живом
контакте с советскими людьми —
у нас ли, за рубежом ли — даже у
тех, кто был дезориентирован
средствами массовой информа-
ции настолько, что до сих пор
представляет нас ходящими в
лаптях и в рубашках, подпоясан-
ных веревочкой, и едящими толь-
ко сырую медвежатину, — даже у
этих обманутых быстро открыва-
ются глаза на истинное положен-
ие вещей.

Народы, стремящиеся к миру,
легко находят общий язык. Вот
это и пугает противников разрядки,
сокращения вооружений.
Дружба между народами, интер-
национальная солидарность брать-
ев по классу для них — нож ост-
рый.

На первый взгляд может пока-
заться не совсем понятным, на ко-
го и на что они там рассчитывают,
эти ярые «защитники прав челове-
ка». Можно подумать так: если у
них есть какая-то важная цель, то
действуют они несерьезно, пото-
му что уж очень незатейливо врут,
таким простеньким способом цели
не достигнешь. Надо быть полной
темнотой, чтобы поверить чепухе,
которую они говорят и пишут о
Советском Союзе, например, о
том, что СССР проводит политику
разрядки напряженности для от-
вода глаз, а на самом деле гото-
вится к войне. Что взять с людей,
у которых поворачивается язык го-
ворить так о народе, понесшем в
прошлую мировую войну самые
страшные жертвы среди всех дру-
гих народов, и, казалось бы, кто
же им поверит?! Но терпешные
западные мастера клеветы дейст-
вуют старым, давно испытанным
методом, его не они придумали.
Дескать, если хочешь, чтобы
лжи поверили, ложь должна быть
чудовищной. А можно и с друго-
го конца: чем чудовищнее ложь,
тем скорее ей верят.

Враги наши видят, что идеи со-
циализма становятся все более
близки людям труда на земном
шаре, они понимают, что капи-
тализм в мирном соревновании
с социализмом обречен на пора-
жение. Поэтому долгие разрядку,
долгой курс на разоружение и
мирное сосуществование госу-
дарств с различным строем. Что-
бы скрыть от народов эту поли-
тику, нужна дымовая завеса, и
вот поднимается клеветническая
и провокационная кампания на-
счет «нарушений прав человека» в
социалистических странах.

Направные усилия. Правда в
конце концов пробьет себе доро-
гу. Но все мы должны активно по-
мочь ей в борьбе с ложью.

ПРАВДА ПРОТИВ ЛЖИ

гражданину и в голову не придет
различать людей по цвету кожи —
это воспитано в нас всем строем
жизни, ленинским ее духом. А со-
ветские женщины? Они у нас аб-
солютно равноправны с мужчина-
ми. Накануне выборов в местные
Советы кстати будет напомнить,
что женщины и депутатами изби-
раются тоже наравне с мужчина-
ми во все органы народной вла-
сти, вплоть до Верховного Совета.
И на шестидесятом году Советской
власти представляется немного
странным доказывать, что эти
главные человеческие права не
только гарантированы нашей Кон-
ституцией, но и обеспечены всей
экономической мощью державы.
Клеветникам это наверняка изве-
стно не менее хорошо, чем граж-
данам СССР. Они и сообщения
Центрального статистического уп-
равления читают, наверное, вни-
мательнее многих из нас, так что
убеждать их цифрами — просто
лишняя трата времени. Насчет
права на труд, отдых, бесплатное
образование, охрану здоровья и
других основных прав — все яс-

полтора миллиона. Что пропаган-
дисты молчат об этом, еще мож-
но понять — за то их и кормят.
Цинизм политиков и предприни-
мателей бывает и похлеще. Вот,
например, в той же Англии рабо-
чих уговорили не требовать повы-
шения заработной платы, а в об-
мен обещали им «социальную за-
работную плату», то есть приостано-
вить рост цен, сократить безра-
ботицу, увеличить ассигнования
на социальные нужды и пенсии.
Правительство не выполнило сво-
их обещаний. Рабочие начали
требовать справедливости. И что
же? Предприниматели договори-
лись до того, что, мол, существо-
вание безработицы — сущее бла-
го, что надо создать еще боль-
шую армию безработных: тогда
легче будет держать в руках тех,
кто работает. Страх потерять
средства к существованию сдела-
ет пролетариат более послушным.

Почему я вспомнил об Англии?
Мне, как депутату, пришлось в
составе делегации Москворецкого
райсовета Москвы побывать в
Лондоне, мы были гостями мун-

СЛОВНО ЧИСТОГО КАПЛЯ ЯНТАРЯ

Витаутас БУБНИС,
заместитель председателя
правления Союза писателей
Литовской ССР

Только что я прочел проект новой Конституции СССР, доклад Генерального секретаря ЦК КПСС, Председателя Конституционной комиссии Леонида Ильича Брежнева на майском Пленуме ЦК КПСС. Я вновь перелистал страницы газет, с которых единодушно звучит гордое слово советских людей: одобряем!

В стране началось обсуждение проекта новой Конституции. Мы, литовцы, к какому бы поколению ни принадлежали, впервые в жизни будем обсуждать такой документ в условиях полной свободы личности, в условиях подлинно социалистической демократии: Советскую Конституцию 1936 года наши отцы передавали из рук в руки тайно, рискуя попасть за решетку...

В братском союзе с другими республиками мы построили в нашей стране развитое социалистическое общество, в котором человек человеку друг и брат, в котором не только юридически, но и фактически осуществлено равенство наций, в котором дружба народов стала законом жизни.

Недавно, посетив Армению, я встретился со своим старым другом, армянским поэтом, лауреатом Государственной премии СССР Геворгом Эмином. Мы обнялись как братья, взглянули друг другу в глаза, и он спросил: «Как живет моя Литва? Я очень хорошо помню ее послевоенную, когда она поднималась из развалин, помню, какой прекрасной она была в начале шестидесятых. А что нового сегодня? Я истосковался по Литве».

У меня немало друзей в разных уголках большой Советской страны. Я радуюсь всем сердцем, когда они пристрастно спрашивают о янтарном крае, прильнувшем к берегам Балтики, интересуются достижениями литовской промышленности, сельского хозяйства, культуры, творческими успехами деятелей литературы и искусства. А мои мысли всегда следуют за делами друзей. Так мы и дружим.

Когда я рассказываю друзьям, как литовский народ поднялся к новой жизни, то не могу не

вспомнить многолетний путь его революционной борьбы. Начало пути — в могучей поступи ленинских идей. Начало пути — Великая Октябрьская социалистическая революция. Нам бесконечно дорог этот путь. За нашу сегодняшнюю жизнь жертвовали своей жизнью несколько поколений революционеров. За нее бесстрашно бились воины первых красных полков в 1918—1919 годы. За нее с оружием в руках на фронтах Великой Отечественной войны сражались и литовские партизаны и воины 16-й литовской стрелковой дивизии.

Трудным, не розами устанным был путь и сегодняшнему рубежу. Когда я думаю о шагах моей республики в пору социалистического созидания, то прежде всего вспоминаю родное село. Я был ребенком, когда настало утро 1940 года, время больших надежд и веры в новую жизнь. Люди единодушно голосовали за кандидатов Народного сейма. Крестьяне покупали косилки и молотилки «русской работы» и, получив землю, пролагали первые борозды, севали.

Оно было коротким, это утро. Через мое село, бряцая оружием, прошли орды оккупантов. Помню, в один из первых дней оккупации шел по дороге наш сосед Юозас Кемежис, а навстречу на мотоцикле ехали два гитлеровца. Остановили. В нармане Юозаса нашли пустой патрон от винтовки. Разве смог он доказать, что поднял гильзу на дороге и хотел отнести детям поиграть? Фашисты расстреляли его, отца большой семьи.

Нам было нелегко и в послевоенное время. Буржуазные националисты подстерегали в лесах коммунистов и комсомольцев, советских активистов, устраивали ночные налеты. Сколько нужно было решимости крестьянину, чтобы подать заявление о вступлении в колхоз! Не потому, что было жаль распахать межу: за подпись под таким заявлением угрожала смерть. Но мои односельчане были бесстрашны. Я могу поручиться за это, меня самого ранили в схватке с бандитами.

Когда колхоз был создан, его назвали именем нашей землячки Марии Васильюскайте: новая жизнь, за которую боролась она, пришла в дом ее земляков.

Щедрой стала земля литовская для истинных ее тружеников. И люди вроде бы те же, а вместе с тем иные. Другой у них образ жизни, другие мысли. Это они, земледельцы моего села и других деревень республики, сегодня выращивают небывалые в Литве урожаи — по 27 центнеров зерна с гектара, а в некоторых колхозах и по 40—50. На помощь крестьянину пришли могучая техника, химия, мелиорация — уже начали осушать третий миллион гектаров.

В истории моего села отражены история всего родного края за последние десятилетия, судьбы моих современников, сверстников. Это их руками возведены Литовская ГРЭС имени В. И. Ленина, Акмянский цементно-шиферный комбинат имени 50-летия Союза ССР, Ионавский и Кедайнявский химические гиганты.

Я вспоминаю свои первые встречи с рабочим Каунасского радио-

завода Героем Социалистического Труда Витаутасом Балтрушайтисом. Впервые нас свела судьба 20 лет назад: я учитель Каунасской средней школы рабочей молодежи, а он ученик той же школы. Витаутас старался на уроках не пропускать ни одного слова. В течение нескольких лет он приходил прямо из цеха в школу, готовил уроки — внимательный, исполнительный. Витаутас родился в деревне, самый старший в большой семье. Его родители в буржуазные годы были безземельными крестьянами. Советская власть дала им пять гектаров, и началась для них новая, светлая жизнь. Но буржуазные националисты убили отца. Тогда сын, 16-летний Витаутас, взял в руки винтовку, чтобы защитить завоеванное отцами. Его не запугали угрозы бандитов. Он стал секретарем сельского Совета. Комсомол направил его учиться в Каунас, он приобрел специальность слесаря. В цеху его учителем — и не только по специальности — стал заслуженный рационализатор Литовской ССР Федор Башлыков. А теперь у самого Витаутаса на радиозаводе десятки учеников. И, рассказывая друзьям о литовских рабочих, о таких, как Витаутас, я не без гордости подчеркиваю: теперь в моей республике за восемь дней производится столько же продукции, сколько произвели за весь 1940 год.

А вот еще несколько штрихов из биографии моего современника. Витаутас Статулявичюс был еще подростком, когда после войны начал работать сперва заведующим сельским молочным пунктом, а потом заместителем председателя сельского Совета. Он жаждал знаний и после рабфака поступил в Вильнюсский университет. Затем аспирантура в Ленинграде, работа старшим научным сотрудником у академика А. Колмогорова в Москве. Сегодня Витаутас Статулявичюс — директор Института физики и математики Академии наук Литовской ССР, доктор физико-математических наук, академик. Он был делегатом XXV съезда КПСС...

Многие наши ученые ныне широко известны в стране. Это люди и старшего, и среднего поколения, и совсем молодые — они всегда в поиске.

В Литве, как и во всей стране, во всем нашем обществе, произошли глубокие перемены, крупные принципиальные изменения затронули все стороны общественной жизни. И об этом нельзя не думать, когда читаешь проект Конституции СССР. О больших сдвигах в жизни республики всегда хочется говорить фактами и цифрами. Они убедительны. Но невольные мысли снова и снова обращаются к людям. Современный литовец — это человек, поднявшийся из тьмы и угнетения. Он вдохновлен идеями великого Ленина и во всем ощущает повседневное внимание и заботу Коммунистической партии. Он своими руками творит чудо преобразования Литвы, и ему радостно ощущать свою причастность к записанному в проекте Конституции свершениям. Одно из них — разительные перемены в облике

наших городов, решение острой социальной проблемы — жилищной. И тут, рассказывая о новом Вильнюсе, не могу не вспомнить Лаздинай — я живу в этом новом районе. Он, современный, светлый, уютный, вырос чуть ли не за три года. Чудесное творение зодчих и строителей...

Но я люблю бродить и по старым кварталам города. Они говорят об очень многом и поучительно. Я останавливаюсь у древних стен Вильнюсского университета имени Капсукаса — это гордость нашей национальной культуры. Скоро он будет праздновать свой четырехсотлетний юбилей. За советские годы университет так вырос, что в старом здании может учиться лишь небольшая часть студентов: тесно. Теперь для них строится целый городок.

В старом центре находится здание Государственной филармонии, где 16 декабря 1918 года Временное революционное рабочекрестьянское правительство Литвы провозгласило образование Литовской Советской Социалистической Республики. Теперь филармония известна не только своими концертами, но и тем, что за культурное шефство над селом она в третий раз награждена переходящим Красным знаменем ВЦСПС и Министерства культуры СССР.

Рассказывая о Литве, я не могу не пригласить вас в любимый Паневежис. Небольшой, вроде бы провинциальный городок, но как далеко за его пределами известны имена главного режиссера здешнего драматического театра, народного артиста СССР Юозаса Мильтиниса и народного артиста СССР Донатаса Баниониса. А рядом — край озер Зарасай. На этой земле родилась и сражалась бесстрашная советская партизанка, Герой Советского Союза Марите Мельникайте. Тут же удивительный Аникщяйский край, давший Литве таких классиков, как А. Баранускас, Й. Билюнас, А. Венуолис. Шагни чуть дальше — и перед тобой Игналина, где сейчас создается национальный парк неповторимой красоты...

На каждой пяди литовской земли — светлая жизнь, о которой я всегда рад поведать своим далеким друзьям, всегда рад еще и еще раз сказать им: все это дала нам Советская власть, Октябрьская революция.

...Вспоминаю строки стихов Саломеи Нерис:

Маленький мой край —
как золотая
Капелька густого янтара.
Он блестит в узорах, расцветая,
Льет в песнях, радостью горя.

И, как в капельке янтара, отражаются в судьбе моей республики победы всех шестидесяти послеоктябрьских лет.

По старым адресам

В преддверии 50-летия Октября один из номеров «Огонька» был посвящен Литовской ССР. В ряде материалов того номера речь шла о тяжелом прошлом литовских рабочих, о социальных контрастах: сотни человек жили в особняках, сотни тысяч в трущобах, и в то же время глава фашистской клики Сметона неоднократно заявлял, что ни промышленность, ни градостроительство не нужны Литве, так как она была и будет страной мелкого сельского хозяйства..

Сегодня мы рассказываем о градостроительстве Советской Литвы.

гаданная тайна творчества. Где она? Да где-то здесь, в мастерских. В вечерних раздумьях зодчих, в непокое их отпусков. Вот в этих макетах: некие будущие улицы поднимаются на холмы, проходят сквозь сосновые рощи, выплескиваются в долины, где весной необузданно юно цветет черемуха. Ее заросли станут городскими садами и парками. Архитекторы на макетах обозначают деревья будущего сухими веточками. Простенький образ, а в нем так много великого — и воплощенная мечта и связь времен: прошлогодняя хворостинка — черемуха 2000 года.

Есть в институте большие удачи, талантливые находки. Есть утраты.

— Потеряли мы Бируте Касперавичене, — говорит Бальчюнас. — Умерла нелепо рано, а была душой нового вильнюсского строительства — самой первой, отважной и страстной. На сотни лет останется все, что она сделала: новый город Электренай, кварталы на проспекте Красной Армии, на Антакалнисе. И — Жирмунай...

Бальчюнас тяжело опускает на стол руки — жилистые, слишком крупные для его худощавой, немного неуклюжей и элегантно в этой неуклюжести фигуры. По рукам и угадываю: «Вы в деревне родились? Много работали в детстве?» «Да».

С Бальчюнасом мы познакомились вот при

трашный прекрасный Вильнюс, где старина художественно соединится с новым, и новое будешь создавать ты, а старину реставрировать — дядя? — спросил управляющий. — Плохо ты учился!

Бальчюнас не стал говорить, что учился хорошо, а жил только на стипендию. Управляющий был прав. И молодой архитектор захлопнул свою мечту о новых проектах, сразу, как захватывающую книгу на самом интересном месте. Начал читать о древнем искусстве, днем занимался административными делами, хлопотал о финансировании, стройматериалах — это в то время, когда каждый кирпич был нужен для новостроек — постигал древний Вильнюс, его легкую и стройную кирпичную готику; узнавал, как позднее город был «переодет» в пышную одежду барокко; бродил по улочкам ремесленников, — тесные домишки, крохотные дворики, кривые щербатые стены были заплетены плющом, на подслеповатых окнах стояли ящики с настурциями. Как люди в такой скуденности и нищете смогли сохранить чувство прекрасного? Мысли о том, что это чувство должно обязательно прорасти в будущем городе, приходили сами собой: он ведь не расставался со своей мечтой об этом будущем городе для людей нового общества. А пока, чтобы не распыляться в работе, взялся за реставрацию древнейшего здания Литвы — Тра-

З О Д Д Ч И Е

Н. ХРАБРОВА,
фото Э. Эттингера,
специальные корреспонденты «Огонька»

каких обстоятельствах. Был разговор о градостроительстве с Лионгинасом Шепетисом, секретарем ЦК КП Литвы. Он сказал:

— Я бы на вашем месте начал очерк так: трудно выбрать в Литве одного хорошего архитектора — у нас их сейчас тысяча двести, каждый по-своему мастер. Но есть один, от которого многое всерьез зависит. Как знать, вошли бы так результативно в советское градостроительство литовские архитекторы, если бы не Витаутас Бальчюнас? Он главный архитектор нашего Института проектирования городского строительства.

...— Да, много работал в детстве — продолжает отвечать на мой вопрос Бальчюнас. — Мы с братом учились на крохи, добытые убийственным трудом на нищенском клочке земли. Но стоит ли говорить об этом?

А я смотрю на его руки и думаю: да, и об этом стоит говорить.

Витаутас Бальчюнас завершил свое институтское архитектурное образование в Каунасе, в 1950 году. Вскоре приехал работать в Вильнюс. Город лежал внутри кольца холмов, как тяжело раненный на лазаретной койке — живо-го места не было. Его лечили, латали, чинили, как могли и умели. Бальчюнас приехал с большими планами — строить современно, масштабно. А управляющий строительным трестом предложил ему работу главного архитектора по консервации и реставрации памятников старины.

— Реставрация?! — ужаснулся Бальчюнас. — Но я же в ней ничего не понимаю. Главным? Но мне же всего двадцать шесть лет. Меня учили новое строить...

— На чужом горбу хочешь въехать в зав-

кайского замка, несколько веков пребывавшего в полном упадке. Ему за это «влетало». Он терпел, понимал, что жилье действительно необходимо в первую очередь, был всей душой за это, но на данном этапе ему-то поручена реставрация...

Теперь Тракайский замок — всесоюзная гордость, один из примечательнейших памятников старины. Теперь вместо крохотных мастерских, где в пятидесятые годы работало три реставратора, в Вильнюсе создан — пока единственный в СССР — Институт консервации памятников старины. Теперь к старому Вильнюсу прибавилось в два с половиной раза больше жилой площади, чем было до войны. Старый город окружен белым кольцом нового. Новый растет на холмах светлыми гроздьями микрорайонов, неоднократно премированных и признанных эталонами для всех градостроителей страны. Ленинская премия 1974 года была присуждена тоже новому вильнюсскому микрорайону Лаздинаю, точнее, группе его проектировщиков и строителей.

Лаздинай тянется вверх.
Семья Дунаускас — новоселы.

НА РАЗВОРОТЕ ВКЛАДКИ:
Растет город, растут его жители.

Вильнюс, дом на улице Каролиса Пожелы. Дом деловой, с широкими окнами, сегодняшней. А его обитатели занимаются Будущим. Без гороскопов, без мистики-фантастики работают — только расчеты, чертежи, макеты. Обычные мастерские. И называются они буднично: Институт проектирования городского строительства Госстроя Литовской ССР.

Напряженные будни. Уйма мелких повседневных дел. А за ними — невидимая, нераз-

Не станем утверждать, что просторный, удобный и светлый Лаздинай может поспорить красотой фасадов со старым городом. Но Бальчюнас узнает в его системе дворов и арок родство корней и плодов старого города и нового Лаздинай. Девять лет работы в реставрационных мастерских не прошли даром ни для Вильнюса, ни для Бальчюнаса.

А после этих девяти лет ему было суждено снова раскрыть ту, недочитанную любимую книгу. Восемнадцать лет назад он стал главным архитектором в Институте проектирования городского строительства.

— Мне, естественно, хотелось бы проектировать, — рассказывает Витаутас Мечиславович, — сомкнуть свое, индивидуальное, со свежим потоком нового строительства шестидесятых годов... Мои любимые годы! Когда-то самый захудалый кусочек Европы, нищая безработная Литва набирала-набирала обороты и — взмыла. Во всем: в экономике, в строительстве, в сельском хозяйстве, в науках, искусстве. Короче говоря, я был готов к максимальной отдаче. Но уже гремели в новом градостроительстве имена моих друзей — Чеканаускаса, Касперавичене, Валушкиса, Насвитисов... А я девять лет работал на прошлое... Но направлять новое — это для меня было и мое перышко Сией птицы и мои провода в будущее.

...На одном всесоюзном совещании его добрый знакомый, преуспевающий архитектор из соседней республики, сказал ему:

— Жаль мне тебя, друг мой Бальчюнас. Ты талантливый человек, можешь создавать уникальные проекты, они наверняка принесут тебе славу и благополучие. А ты опять согласился пойти в администраторы.

— Но ведь кому-то надо! — возразил Бальчюнас. — И к тому же меня не столько уникальные здания интересуют, сколько массовая застройка, новые микрорайоны.

— Неужели ты это всерьез? Это же чистое донкихотство — сражаться с мельницами железобетона, ГОСТов и стандартов.

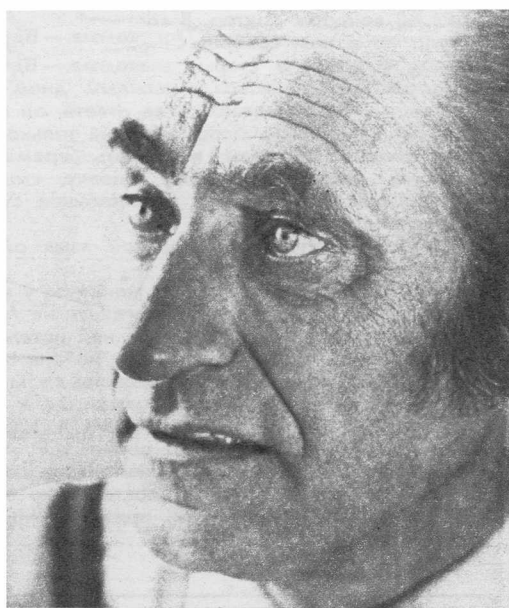
Этот уважаемый коллега, сам того не желая, очень точно определил характер Бальчюнаса. Дон Кихот... Каждый из нас по-разному понимает его. А за отвагу, верность, самоотречение любим его все. Недотепы и беспеченный фантазер якобы, он оказался победителем, живет среди нас вот уже три века, и с каждым веком в нем все меньше «печального образа» и все больше силы, добра. А кто думает иначе — к барьеру!

Бальчюнас, естественно, добродушно отнесся к своему коллеге-соседу. Я тоже его знаю. Он действительно сказал свое слово в архитектуре, главным образом в сооружении уникальных коттеджей дачного назначения. Нужно направление. Но — «слово» ли это? И такое ли уж оно новое? Однако, к его чести, он оказался человеком искренним. Как-то приехал к Бальчюнасу в гости, они ездили и ходили пешком по старым реставрированным улицам и по новым проспектам. Гость смотрел внима-

тельно и становился все молчаливей. Бальчюнас же был как рыба в воде: он знал в своем городе каждый камень от четырнадцатого до двадцатого века, и, как всякий донкихот, отважно устремлялся в двадцать первый. За ужином гость сказал:

— Ты прости меня, Витаутас, я был неправ тогда. Вы тут смогли сделать гораздо больше, чем можно было предполагать.

— Так что тут особенного? — удивился Бальчюнас. — Во-первых, без стандартов и ГОСТов разве мы смогли бы построить столько городов, дать семьям столько отдельных квартир? Я полагаю, теперь долго города будут сходиться с конвейеров. И меня это мало пугает, потому что эти немилые твоему сердцу стандарты и ГОСТы не такие уж и «мельницы». Конечно, кое с чем приходится повозиться. Заметил — у нас всюду нестандартные окна? А поставляли нам ведь тоже стандартные, как и всем новостройкам страны. О значении окон в облике фасадов не мне тебе рассказывать. Ну, не по-

В. М. Бальчюнас.

дошли они нашему стилю, и баста. Поговорили, где надо, поспорить пришлось, отказаться от стандартных поставок, но никто и не подумал запрещать создавать у себя в республике производство нужных нам оконных форм. Понимаешь, нужно как следует пошевелиться...

Нам Бальчюнас сказал:

— Архитектор должен работать в городе, который ему дорог. Я в последнее время восхищаюсь Клайпедой. Спроектировали там архитекторы уникальное здание, формирующее центр нового микрорайона. И вдруг приходит в республиканские организации письмо с просьбой не повторять этот проект нигде! Ни в самой Клайпедой, ни в каком другом городе... Мы сначала были ошеломлены: что они там, совсем очумели?! А потом пришли в восторг — ну правильно же, только так и надо! А еще клайпедцы вдруг потребовали, чтобы весь красный кирпич шел только им на том основании, что он характерен именно для Клайпеды. Представляете бурю негодования? Но теперь — что бы вы думали? — не весь, конечно, но шестьдесят процентов красного кирпича идет в Клайпеду, и, верно, красивые, нестандартные получаются у них новые районы, и все в рамках стандартов и ГОСТов. Еще пример. Светильники — и наши и те, что в других странах закупаем, — неинтересные какие-то, хлипкие, портят интерьер. И вот Чеканаускас берет шарообразную легкую металлическую оболочку от пылесоса, сверлит в ней дырки, красит в яркие цвета — великолепный получился фонарь! Конечно, лучше было бы выби-

рать нужные детали из некоего огромного их набора. Ну, а если нет пока такого набора — какой же ты архитектор, если ничего не умеешь и не хочешь придумать? На домостроительные комбинаты тоже жалуемся: мол, гонят одинаковые детали. Значит, надо идти на ДСК, спорить с ними, дружить, помогать. В Литве сейчас четыре ДСК, и три из них выпускают оригинальные детали...

В те дни, когда я беседовала с Бальчюнасом, к нему приходили разные люди, он подписывал сметы, спорил, соглашался, возвращал с его точки зрения неготовые проекты, отправлял макеты на выставку, обещал проконсультировать докторскую диссертацию.

— Кухня! Вот что такое кабинет главного архитектора, — говорит, положив телефонную трубку. — А главный, то есть я, — типичная домохозяйка... А вы спрашиваете, что я проектировал, что по моим проектам построено. Мало! Санаторий «Лиетува» в Друскининкае. Участвовал в нескольких конкурсах, спроектировал новый район на сорок пять тысяч жителей.

А я слушаю и думаю про себя: немаленький диапазон — от «Лиетувы», одного из лучших санаториев в Союзе, до нового микрорайона. И когда успевает? Но это уже загадка Бальчюнаса. Да не такая уж и загадка: вся Литва за послевоенные тридцать два советских года работает на таких диапазонах, с таким размахом и энтузиазмом.

Был у нас долгий разговор о рождении Лаздинай, за который Бальчюнас вместе с группой авторов-проектировщиков получил Ленинскую премию.

Бальчюнас пел гимны Чеканаускасу и Бредикису. О себе он не говорил. Он только старался убедить даже нас, неспециалистов, что можно хорошо строить индустриальным методом. И что теперь самое время думать о «мелочах»: красивых дверных ручках, оконных шпингалетах, штепселях и выключателях. Еще он намеревался искать пути к сердцам строителей и договариваться о более высоком качестве строительства.

О том, что Бальчюнас буквально не вылезал из Лаздинай, читатель, наверное, и сам догадается. О том, что без Бальчюнаса Лаздинай мог бы и не состояться, говорили его товарищи по институту. Вот, пожалуй, и все... Хотя нет, надо еще спросить: «Каким вам представляется Вильнюс 2000 года, и еще дальше — двадцать первого века?»

— Новые дома не будут однотипными: индустриальное строительство развивается, и возникнет тот обширный выбор самых разных деталей, о котором мы сейчас мечтаем. А раз умеем мечтать, значит сумеем и осуществить. У Вильнюса будет свое лицо, я вижу его в масштабности духа старого и нового города. Как понимать «сомасштабность»? Просто. Красота и уют старого города будут повторены в его новых районах с помощью каких-то типичных деталей и зеленых уголков. Только, конечно, в больших масштабах, на больших пространствах. Лаздинай лишь престал камушек. Архитектор и теперь уже престал быть только «привязчиком к местности», а лет через двадцать — тридцать, когда войдет в силу теперешняя образованная, влюбленная в архитектуру студенческая молодежь — по-настоящему обретет свою подлинную суть слово «зодчий». Хотя и сейчас таких мастеров, как Чеканаускас, Ниэле Бучюте, Баравикас, Тишкус, Насвитисы, Мазурас, я в душе уже называю зодчими. И еще: в городе будет много уникальных зданий, их станут проектировать самые талантливые зодчие, а «пробные камушки» у нас и тут уже есть — новый оперный театр, Дом композиторов, Дворец бракосочетаний, здание Совета профсоюзов, несколько новых НИИ. Еще что? Вот: все, от бульдозериста до главного архитектора, будет любить свой город и знать, что строит его для новых и добрых людей. Помните слова Леонида Ильича Брежнева на XXV съезде КПСС о том, что в новой квартире все должно доставлять радость людям? Так оно и будет. В Вильнюсе. Во всей Литве. И во всей стране.

Народный архитектор СССР, лауреат Ленинской премии Витаутас Альгирдович Чеканаускас.

Эти дома новенькие, с иголочки.

Последние штрихи...

Юные мамы в юном квартале.

Четкая графика нового Вильнюса.

Здесь планируют грядущие микрорайоны.

МЫ — РОВЕСНИКИ ВЕЛИКОГО ОКТАБРЯ

На этом снимке запечатлены ровесники Великого Октября, ученики четвертого класса начальной школы № 10 города Златоуста. Фотографировались мы в мае 1929 года. В центре — заведующая школой Пудовкина (в сером костюме). Имени ее, к сожалению, не помню. Рядом с ней (справа) учительница Александра Ивановна Дунаева.

Школа наша размещалась в одноэтажном кирпичном здании на берегу реки Ай, напротив керамического завода. За школой была церковь. Сейчас на этом месте находится базарная площадь. Мы все любили нашу школу и очень дружили. Но потом жизнь разбросала всех моих одноклассников в разные стороны, и я ничего не знаю о их судьбе.

Глядя на этот снимок из семейного альбома, я вспоминаю многих из них: Мишу Хохлова, Федю Митрошкина, Мурзину, Надю Титову, Сережу Сметанина (впоследствии талантливого баяниста), Валю Кузнецову, Володю Иванова, Шуру Шевченко (заядлого футболиста), Валю Лапушкину и других.

С Федей Митрошкиным нас свела судьба и после окончания школы: мы вместе призывались на военную службу, вместе заканчивали полковую школу...

Я был зачислен в кадры РККА и служил до 1953 года. Начало Отечественной войны меня застало в дороге: наша часть передислоцировалась на западную границу. Таким образом, уже с 25 июня 1941 года я оказался на фронте. Начал воевать сержантом при штабе соединения, а закончил войну в звании гвардии капитана в составе штаба 8-й гвардейской армии. Демобилизовался в звании подполковника, а потом еще пять лет работал в органах МВД. С 1959 года работаю на производстве, принимаю участие в строительстве сухогрузных теплоходов.

Награжден шестью боевыми орденами, в их числе один польский орден «Крест храбрых», и еще десятью медалями.

Вот мой боевой и жизненный путь.

А. КРЫСОВ,
гвардии подполковник
в отставке

Горький.

Борис ЗОЛОТАРЕВ,
Юрий ТЮРИН

Рисунки П. ПИНКИСЕВИЧА

-М

Мы уже давно знакомы, через час будет целые сутки, — говорил ей вечером доктор. В гостиную они были одни, но в нем совершенно не было неловкости, будто они старые знакомые. — Вдовцу в сорок лет жениться с каждым днем все труднее. — Не дождавись ее ответа, он продолжал: — Женясь, оставляешь не только независимость. Должен посвящать время не одному только любимому идеалу, столько лет услаждавшему твое нравственное существование...

Нет, положительно на другой язык он не был способен!

— При мысли о вторичной женитьбе у меня всегда следовал вопрос (он взглянул на Александру Антоновну, отыскивая в ней интерес к этому необъявленному вопросу, но она сидела опустив глаза)... вопрос: можешь ли ты найти такую женщину, которая, постигши в тебе всю силу внутреннего влечения к идеалу, в состоянии будет так искренне, так отвлеченно любить тебя, чтобы любовь ее послужила новым средством к достижению этого идеала? И сами женщины, притом пожилые,

останется такую же и выйдя замуж. Брак — это мы видим из опыта — нередко изменяет нрав женщины. Если она, выйдя за меня замуж, будет от меня требовать, чтобы я удовлетворял ее потребностям, ее капризам, а у меня не будет к этому достаточно средств, то это значит наложить на себя такое бремя, от какого будешь беспрестанно стонать и охать. Потом, немного, что я приобрел, принадлежит моим детям от первого брака — это их неприкосновенная собственность. Многого же, вероятно, я никогда не приобрету, потому что не имею к этому ни малейшей склонности. Итак, для счастья и спокойствия нашего общего семейного быта, рассуждал я, должно иметь жену, которая бы принесла мне с собою и средства жить, не отказываясь, живя со мной, от того, что сделалось ее потребностью...

— Я не люблю роскоши, — заметила Александра Антоновна и покраснела: при ее платье не нужно было уверений в этом.

— Это только так говорится, что не люблю! Говорится потому, что настоящие заботы и горе известны вам только по слухам. Вы не знаете, что значит нуждаться, терпеть лишения... «Я не люблю роскоши!» Не любите потому, что в ней не нуждается, потому что имеете средства удовлетворять ее главным притязаниям. (Неужели, удивлялась Александра Антоновна, косясь, не шутит ли над ней доктор, он не видит, как я одета?) Часто, и даже обыкновенно, мы не любим того, что имеем, что нам легко достается. Куда труднее найти бедняка, который бы не любил роскоши, нежели богача, который был бы привязан к ней всей душой. Притом известно: иногда то, что в глазах одного кажется роскошью, есть необходимая потребность в глазах другого... или другой... Но я не досказал о деньгах! Это условие женитьбы мне казалось тем более справедливым, что при вторичном своем браке я твердо решил отделить мою мать. Сверх этого могло также случиться, что вторая моя жена не чувствовала бы никакой привязанности к моим детям от первого брака, и тогда я должен был бы отделить также и их. И — знаете! — два раза мне представлялся случай для выгодной женитьбы. Но, испытав себя, я видел, что, женясь таким образом, обеспечивая себя с внешней стороны, внутренне я не был бы доволен. Закабалить себя в форму холодных обязанностей я не в состоянии! Я еще хочу чувствовать, несмотря на то, что уж, ка-

ПОСЛЕДНИЕ

образованные, не без чувства, каких я спрашивал об этом, не советовали мне жениться... я терял с каждым годом надежду...

И все это говорилось двадцатилетней невесте перед благословением: можно ли себе вредить хуже, не сказано разве, что иная простота хуже воровства! Ей хотелось зажать доктору рот и прокричать ему, чтобы он помолчал, ведь не все и не всегда следует объяснять! Но на лице жениха было написано такое желание выговориться, что она невольно вспомнила своего Володеньку, оставленного на Полотняном Заводе, и сквозь улыбку воспоминания глаза ее наполнились слезами досады.

— Сначала я было решил жениться не иначе, как взяв за женою капитал, — продолжал доктор еще горячее, принимая ее слезы за слезы сочувствия и в благодарности больно хватая ее за руку своими длинными пальцами. — Вот как я рассуждал об этом: узнать женщину в подробности тебе все равно не достанет теперь ни времени, ни случая, ни терпения. И, даже узнай я ее до замужества, все-таки никто не может мне поручиться, что она

жется, перечувствовал довольно. И потом... воспоминания о счастливой любви, которая так благодетельно начала было одушевлять меня в первом моем браке. Это воспоминание... Вы плачете?! — с благодарностью заметил он, доставая платок и сам. — Оно глубоко врезалось в сердце, и я оба раза отказался. Еще перед тобою, — горячо перешел он на «ты», — когда я уже непременно хотел однажды навсегда решиться (была одна девушка... таких же лет, как ты)...

Нет, слушать об этом ей становилось невыносимо! Словно бы это был ее Володенька, она взяла доктора за руку и повела принесть благословение отца и матери.

— Но я не был уверен, хотел убедиться, — продолжал доктор дорогой. — Назначил было два вечера, чтоб испытать ее и тоже себя... есть ли в нас действительно склонность друг к другу (воспитание ее мне нравилось), и оба вечера застал ее танцующей с каким-то упоением! Назначил еще вечер, прихожу — она собирается на бал и говорит о нем также не хладнокровно. Ты в черном?! — спохватился доктор на пороге родительской комнаты, и только теперь она подумала, что можно было

бы все-таки подыскать другое платье, и покраснела опять.

— Не думай... — смутился и доктор. — У меня нет предрассудков... но некоторые вещи с малолетства оказывают такое впечатление. То же случилось с моей первой женой. Невестой она надела черное платье, мне сначала понравилось, потому что ей было к лицу, но тут одна дама, увидав, сказала: «Разве невеста носит черное!» И я не мог отделаться от этого вопроса, — силился улыбнуться доктор, видя, что невеста его едва ли не собирается бежать перодеваться. — Вот — объясняй человеческую душу! Каких-то несколько слов... и сказаны невзначай, без всякого умысла, а заставят придуматься, пробудят предчувствие.

Благословение прошло гладко, если не считать того, что расчувствовавшийся Антон Антонович вдруг пообещал за дочерью сто тысяч. Ко всем переживаниям ей не хватало только этой лжи! Но, похоже, доктор принял порыв будущего тестя не без иронии, сказал, что вовсе не чувствует себя готовым к таким неожиданным, так что в конце концов Антон Антонович прослезился и замахал рукой куда-то вдаль, словно отодвигая эти сто тысяч туда, вперед, где доктор будет более в состоянии оценить его щедрость.

— Не думай, — не пропустил ее состояния Николай Иванович, когда, принявши благословение, они вышли, — сватаясь к тебе, я решительно оставил все мысли о корысти. Лишь бы найти мать моим детям! И если ты, может быть, разочаруешься во мне, то у тебя все-таки должна остаться мысль, что я женился только на тебе одной.

— Вы... ты улыбаешься. Чему?! — смутилась она, ухватив тень его улыбки.

— Мне не было семнадцати лет, как я влюбился в одну свою дальнюю родственницу, — остановился он, глядя на нее, — и сейчас вывел: она была похожа на тебя. Да-да! Те же черты лица, светло-русые волосы, те же глаза. Верно, где-нибудь в душе, при самом ее развитии, уже сформировался образ, который, некогда осуществившись, должен был слиться в одно с собственным моим «я», — не переставал смотреть на нее Николай Иванович. — Чем больше припоминаю прошедшее, тем больше нахожу, что все лица, сходные с твоим, нравились мне...

— Что ж та женщина... ваша родственница? Она жива?

Но, похоже, он не слышал ее.

— Любовь, как все высокие, безотчетные чувства, творит чудеса над теми, кто верует в ее могущество! Изменяет, обновляет, облагораживает, делает возможным, что казалось несбыточным. Руководимая истинной любовью и неопытная девушка может достигнуть всего, что считает необходимым для счастья того, кого любит. Я верю в это и спокойно представляю руль моей будущности такому кормчему, как ты. Улыбаешься?! Скоро, может быть, я буду стыдиться, что терял время на такое беспорядочное выражение чувств... Но оставим времени рассудить! Наслаждаться настоящим также чего-нибудь стоит! — говорил он не ждавшей ничего подобного Александре Антоновне.

— Я улыбаюсь потому, что боюсь, боюсь не угодить... что ты станешь раскаиваться в выборе. Умственные способности мои вовсе не велики. Разве что выполнить свое назначение... обязанности жены, матери, хорошей хозяйки.

— «Обязанности жены, матери!» — рассердился Николай Иванович. — Да что же еще выше этого на земле! Так вы, женщины, привыкли играть этими святыми словами: жена и мать! «Умственные способности невелики!» Прекрасное качество в одном поле может быть уродом в другом. Женщина, желающая прослыть ученой, ни с чем по действию не может быть лучше сравнима, как с самым сильным раствором рвотного камня. Пусть многое останется тебе неизвестным. Ты даже должна гордиться тем, что многого не знаешь. Не всякий — врач! Не всякий должен без нужды смотреть на язы общества, не всякому обязанность велит в помойных ямах рыться! Но иметь жену-кухарку, которая и не пытается вникнуть в твои действия, узнать идею, какую ты преследуешь? Жена-ученый и жена-кухарка — две такие крайности, избежать которые — значит уже достичь счастья супружеской жизни!

На следующий день ее увезли на Полотняный Завод. Мария Павловна, уверявшая, что с первого взгляда разобралась в докторе, говорила, что ничто не способно подвигнуть его к женитьбе быстрее, чем немедленная разлука с Александринной. Прощаясь, Николай Иванович вручил ей старенький портфельчик, Александра Антоновна покланялась себе не открыть его до дома, но уже ночью, в поезде, не утерпела и обнаружила пачку писем, его писем к первой жене, которую, как знала она от Жен-

к земле, все, что услаждало мое существование, словом, всю поэзию моей жизни!»

Она и не подозревала, что может быть так уязвлена! Уж слишком много любви было в письмах к предшественнице. И отдать эти письма ей! Нет, говорила она себе, сердясь, так поступить, конечно, мог один он! Сердась, она уже ловила себя на нежности к нему, словно сердилась на нескладное свое дитя. И за всем тем обволакивало сердце грустью, словно от понимания, что не дано осуществиться в ее жизни тому, что (и без того ей всегда было ясно) осуществиться не может. Она уже любила его любовью фанатичной матери, не расставалась (что вовсе не шло к такой любви) с его портретиком даже ночью и все мучилась сравнением его двух любовей, хотя, конечно, какое же тут могло быть сравнение!

Потом были его письма к ней, на Полотняный Завод; постепенно на столике возле окна, с портретиком Николая Ивановича, образовались две стопки писем — одна Катина, другая ее, и чем более уверял он ее в идеальном характере своей любви, тем более она терзалась, убеждаясь, сколь мало создана женщина для одного «идеального».

«...Но нельзя мужу и жене любить друг друга идеально, не любя и телесно... но телесная любовь должна быть подвластна духовной и идеальной, без этого она прах, вселяющий отвращение. Ни женщина, ни мужчина никогда не должны друг друга любить телесно до пресыщения; пресыщение сковывает дух и делает его неспособным ни к чему высокому, самое тело начинает страдать, и утомляться, и ослабевать. В этом отношении супруги должны дать себе верный обет воздержания от пресыщения в телесных наслаждениях, блюсти за здоровьем и крепостью тела, необходимого для исполнения их высшего призвания. Кто любит идеально, как мы любим друг друга, кто супружество не рассматривает как источник только материальных наслаждений, кто открывает в нем идеал, призывающий нас к исполнению высших обязанностей человека, тому нетрудно победить избыток влечения к материальному наслаждению в любви и избежать пресыщения. Моя Саша, мой идеал, поймет меня и в этом отношении. Взаимная любовь наших душ охранит и телесную любовь от избытка наслаждений...»

ДНИ ПИРОГОВА

— Я приехал в Москву через пять лет, она уж была не та! И еще через два года после я был в Москве и опять не утерпел, поехал взглянуть. Все, все изменилось! Кроме глаз и голоса. Вот пусть после этого рассудительные люди и безобразные дамы утверждают, что нельзя влюбиться в наружность. Я так, напротив, убежден, что всякая любовь основана на наружности. Как влюбиться в одну добродетель, в поступки! Ты скажешь, тому есть тысячи примеров, да вот вопрос: та же ли эта любовь, то же ли чувство, которое разливается от одного взгляда, от одного прикосновения! Я чувствую, я живо чувствую, — схватил он ее за руку, заставив в неловкости обернуться — одни ли они? — как тает во мне ледяная кора, как исчезает пустота в сердце и ты начинаешь заполнять это мертвое ничто! Почему ты не музыкантша?! — воскликнул он, прислушиваясь к доносившимся из гостиной звукам рояля — то Женни разучивала Листа. — Музыка иногда чарует меня, но любовь тебя научит!

— Играть? — улыбнулась Александра Антоновна. — Я умею играть. И даже не хуже Женни, во всяком случае, не хуже...

ни, Николай Иванович страстно любил. К письмам была приложена записка, в которой он писал, что, может быть, не прав, затрагивая такую чувствительную струну, но что он слишком взволнован, чтобы не разделить печальное свое волнение с существом, которое готово посвятить себя его счастью и которое стало его единственным и лучшим другом. «Быть может, — писал он, — с моей стороны эгоистично смущать покой этого друга, но в то же время это послужит ему доказательством, как я люблю, как желаю быть хорошо понятым, стать тебе хорошо известным. Я сознаю, что для тебя должно быть неприятно сравнивать степень и силу моей первой любви с любовью второй, но, с другой стороны, тебе должно быть приятно убедиться, что тот, кого ты любишь, достоин любви, потому что он был любим женщиной, достоинства и добродетели которой были сходны с теми же чертами характера моей дорогой невесты. Ты можешь видеть из этого, каких я мыслей о тебе, ты можешь понять теперь причину сомнений, меня волнующих, можешь оценить степень любви, привязывающей меня к тебе. Я приношу в жертву этой любви все, что меня привязывало до сих пор

«...Я ни на минуту теперь не сомневаюсь, что моя милая Саша, мой милый друг, — точно мой идеал. Надобно быть камнем, чтобы не обожать тебя, не восхищаться чудной твоей душой, которая теперь сделалась и моим счастьем, и моим утешением, и моей отрадой».

«...Многие полагают во мне какую-то зверскую жестокость, которая наслаждается страданиями других, то грубое сердце, то необузданное стремление к славе. Близорукие! Вы меня считаете «материалистом», между тем как вы сами самые грубые «материалисты», потому что не в состоянии понять, что можно любить в предмете не предмет, а идею! В призвании моем, по-видимому, грубом, жестоком и «материальном», я вижу идеал высокого, в моей науке, в моем искусстве я чуя этот идеал, основанием которого есть благо человечества, утоление страданий. Что мне тогда отвращение, вопли, кровь, когда я им подвергаюсь любовью к моему идеалу, с желанием осуществить его, с полным убеждением в него? Так, мой несравненный друг, моя бесценная Саша, мы будем любить, мы должны любить всегда друг друга тою любовью, которая

привязывает нас и к нашим близким и примиряет нас с врагами, и влечет нас туда, высоко и далеко, к Верховному и Милосердному подателю всех благ. Без любви к идеалу нет ни настоящей любви к богу, ни настоящей любви к ближнему».

«...Третьего дня я был у Женни. Она мне читала твоё письмо, из которого я вижу, что тебе еще не довольно скучать, читая обо мне в моих письмах, ты еще хочешь, чтобы и она тебе писала обо мне. Нет уж, право, много, когда тебе будут писать обо мне и я и еще другие. Ради бога, не слушай других обо мне, даже самых близких. Я тебе заранее скажу, что они будут тебе говорить, уж сколько я, к несчастью, слышался нехотя, что знаю все наперед. Верь мне, никто ничего не знает, все невпопад: и похвала, и хула. Условие однажды навсегда: посредников не нужно, а то я сейчас стану притворяться. Во мне, несмотря на открытый характер, есть и порядочный хамелеон, запертый накрепко в клетке. Не выпускай его оттуда без нужды...»

«...Должно слушать людей или нет? Можно их не слушать или нет?.. Откровение говорит, я должен их любить. Опыт и самолюбие говорят мне — большая часть из них достойна презрения. Итак, вот как мне хочется, чтобы судила моя жена: во-первых, по инстинкту, это ее неотъемлемая принадлежность, как женщины, вот почему я люблю суждения некоторых мне знакомых дам, когда они еще не утратили эту способность. Но и тут нужна осторожность. Часто мы думаем, что наш взгляд на вещи основан на этом внутреннем, необъяснимом, произвольном, не подвластном рассудку убеждении, которое я называю нравственным инстинктом, между тем как, рассмотрев его пристальнее, мы открываем, что это было не внутреннее убеждение, а приобретенное наслышкою предубеждение. Так как ты, подобно всем людям в твои лета, судишь также иногда понаслышке, то остерегайся от этого заблуждения. Во-вторых, мне хотелось бы, чтобы моя жена, не имея достаточного материала, доставляемого опытом и летами жизни для суждений, не слишком бы заботилась о прискании этого материала вне семейного ее круга. Имея полное доверие к своему мужу, безусловно доверяя, что он для самого же себя, а следовательно и для нее, будет заботиться заменить своею опытностью ее недостаток в опыте, она должна в нем видеть авторитет. Но, ты скажешь, жена должна быть другом и, следовательно, равною мужу. Да — так же, как истинный учитель и ученик должны быть самыми верными и бескорыстными друзьями, так же, как дружество в известном возрасте должно соединять отца и сына, точно так же должны быть друзьями муж и жена. Но это — именно дружество и основано, с одной стороны, на уверенности в авторитете, непогрешимости наставника, отца, мужа, а, с другой стороны, оно основано на любви и уважении к добродетели благочестия, открываемой нами в ученике, сыне, жене. Эта добродетель благочестия и есть самая неразрывная, самая святая и ненарушимая связь, которая соединяет наставника с учеником, отца с сыном, мужа с женой. И я только тогда отступлю от моих притязаний на авторитет в качестве мужа, отца, учителя, когда внутреннее сознание мне скажет, что я недостойно исполняю мое призвание».

Он приехал только в июне, с поручением по казенной надобности и с походным операционным столом. Играли сразу три свадьбы: Натали — с Чернявским, Машину — с Быковым и их. Сестер со свадьбы увезли мужа, а они с Николаем Ивановичем остались на Полотняном — была отдана им парадная спальня с кроватью под пышным балдахинном. Плафон в алькове представлялся как бы глазу человека, лежащего в траве и глядящего в небо через нависшую на него зелень. Стены спальни были расписаны пейзажами (Николай Иванович говорил, что то же было когда-то и у них, в Сырмятниках) — ручейки, мостики, рошцы. Утром они собирались поехать в уцелевшую от начинаний отца материну деревеньку — выдалось оно чудесное, прямо на заказ, — Николай Иванович растворил окно и засмеялся: выложенная каменными плитами площадка перед домом была полна страждущих исцеления фабричных.

Ей показалось, что слишком уж поспешно бросился он к этой представившейся возможности заняться работой. Когда, одевшись, она спустилась вниз, то и скромный, поделенный колоннами на две части с одинаковыми плафонами вестибюль и следовавшая за ним величественная зала с четырехметровой фаянсовой печью и прихотливыми лепными карнизами — были полны народу. По распоряжению Николая Ивановича, выключенные из анфилады две комнаты второго этажа, изящные, как табакерки, с цветными печами из изразца, здешнего, калужского производства, тут же были приспособлены под операционную, причем в этих преобразованиях им горячо помогал отец, видимо, гордившийся присутствием в доме знаменитости, особенно же придуманным Николаем Ивановичем эфиральным прибором, к которому по вечерам устраивал экскурсии почтеннейших калужских граждан и окрестных помещиков, любя при этом подчеркнуть, что люда ей зять его оперирует безденежно.

Собственно, их медовый месяц прошел в импровизированной операционной. Александра Антонова с камердинером отца занималась анестезированием: надевали маску прибора, причем слуга застегивал ремень на маковке головы больного, она же прижимала одной рукой маску к подбородку оперируемого, а другой — рессорки маски к корню носа, внимательно следя за краном. Сначала его следовало повернуть так, чтоб больной дышал только атмосферным воздухом, несколько времени привыкал дышать через маску — медленно и глубоко. Потом понемногу она отпускала кран, в маску шло постепенно все больше и больше эфирных паров.

Прежде других чувств покидал человека слух, впрочем, он прежде других и возвращался. Приходя в себя, больной лежал неподвижно, с закрытыми глазами. Вспрыснув его водой или сильно растолкав, Николай Иванович кричал ему на ухо его имя, и тот нетвердым обыкновенно голосом, сперва сквозь зубы, а после все яснее начинал повторять свое имя, словно слышал его впервые. У некоторых, и именно тех, которые во время эфирования были совершенно спокойны и, казалось, спали глубоким сном, появлялся бред, доходивший почти до иступления. Одной женщине причудилось, будто Николая Ивановича ведут на виселицу и, даже окончательно придя в себя, она продолжала целых полдня сетовать на это.

Александра Антонова давно привыкла замечать, как меняется внешность человека в свете его поступков. Красавец отец, припрятывавший на себе предназначенную к тайной продаже безделицу, часто казался ей прямо уродливым, Николаем же Ивановичем за операционным столом (вот уж сделал первый разрез, и оказались в своей стихии зоркие его пальцы) нельзя было не любоваться. Она все осторожно старалась выпытать у него, случается ли при операциях женский персонал?.

Вокруг было три парка — Красный, Нижний и Большой, и после операций она таскала его, уставшего, на прогулку. Обычно их путь лежал к Пушкинской беседке (рассказывали, что Пушкин был на Полотняном два раза, один раз — еще женихом Натальи Николаевны, правнучки калужского посадского Гончарова, который в компании с купцами Карамышевым и Щепочкиным основал здесь полотняную и бумажную фабрики). Обрыв Суходрева, чем дальше от излучины, тем более пологий, уводил их далеко от дома, неохватный простор постепенно стеснялся подступавшим к реке справа лесом, и сама распрямившаяся и будто замершая река начинала походить на лесное озеро. Вблизи, впрочем, лесная стена теряла свою сумрачность, среди явлов и лип вставали группы сосен — то был всего лишь парк, правда, запущенный, но все равно далеко просвечиваемый лучами заходящего солнца. Они сворачивали вправо, к беседке со сквозным видом — привычной для старых парков «миловиде»: шесть башенок соединялись колоннадой, посередине стояли деревянные диванчики. Позади, в оправе деревьев, — недвижная тишина реки, неба; впереди, обнимая три одиноких вяза, убегают на стороны две дорожки. Они шли в левую, уводившую в самую старую и заросшую часть парка, и незаметно оказывались на опушке, возле огромного дуба, закрывавшего ветвями дорогу к реке, перед которой отливала бирюзой мягкий луг. В виду этого умиротворения, как-то, собравшись с ду-

хом, она наемкнула ему на его письма к Кате, хотела — шутя, да, видно, не вышло.

— Ну, конечно! — думаешь ты про нас с тобой, — это не то! Это не первая его любовь, он думает только о своих детях! — рассердился Николай Иванович (а ей казалось, что он уж отошел от своих операций и в хорошем настроении). — Скажи... признайся, ведь это так, именно так! И быть не может иначе. Я это знал и знаю. Говорят, что можно любить лишь однажды. И врут. Потому что не знают любви в подробности, со всеми оттенками. Юношески, пламенно и страстно, правда, можно любить только раз. Но, любя так, еще не исчерпываешь из сердца всю любовь, еще в нем остается осадок, который лежит, схоронен для рудокопателя.

— Я — рудокопатель, — с улыбкой примерилась к этому термину Александра Антонова, и ее улыбка тоже ему не понравилась.

— Да осталась-то квинтэссенция! Любовь, очищенная от праха, летучих начал! Вот и признайся — ею ли проникнута ты теперь? Такая любовь движет твоей душой? Вот реши полжизни руку на сердце. Если такая, то я ошибся, — и ты никого и никогда больше не полюбишь. Про себя я знаю, что это она. Я был бы ничтожный лгун, если б вздумал тебя уверять, что люблю тебя, как первую жену. Плачь и сетуй, если ты хочешь именно той любви, — ее нет. И быть не может! Но если ты понимаешь мою любовь к тебе, то благословляй бога, считай себя несравненно счастливее той, что унесла с собой в могилу пламя взышек, оставив тебе одно святое и высокое. Плачь, называй меня жестоким, но жене моей я должен говорить правду, что чувствую.

— Может быть, со временем... — прикрыла она ему губы пальцами, — и моя любовь одушевит тебя, ты также... также почувствуешь в себе тогда больше способности чувствовать, нежели рассуждать.

— Нет! — вырвался от нее Николай Иванович. — О моих чувствах я тебе никогда и ничего другого не скажу! Они не переменятся, пламеннее не будут, останутся так же высоки и святые, как были, когда я тебя увидел. Ты мой идеал, а любовь к идеалу не переменилась. Но я вижу, ты стараешься отыскать только порывы чувства, не хочешь проникнуть глубже в суть моих рассуждений, воспользоваться моим опытом!

Она стояла, повернувшись к реке, и беззвучно плакала, и тут он бросился к ней, схватил в объятия.

— Саша — мой идеал! — шептал он с горячностью самовнушения. — Моя душа, моя жизнь, она снова привязала меня к жизни, ей мои объятия, мои поцелуи, клятвы в вечной и неизменной любви до гроба! С ней моя молитва, от нее мое вдохновение. Да, Саша, это так, это так! Твоя любовь отлична от моей, и вот разница: меня не станет — и ты сможешь еще любить другого, тебя не станет — моей любви конец навек. Запомни это. Ты, я знаю, теперь не поверишь мне, я даже знаю, что ты мне скажешь на это. Не трудись, не говори! Я знаю вперед, что ты скажешь, но я тебе говорю, что это не так, уверять тебя не буду, это в натуре вещей, в натуре человека. Кто столько переживал, как я, и столько наблюдал за собой, тот может с уверенностью сказать это. Нас, Саша, разделяет глубокая пропасть времени, мы подали друг другу руки над этой пропастью, но нельзя перетянуть меня на твою сторону. Твой край выше, напрягаясь тянуть, сама можешь упасть. Итак, с богом, ко мне, Саша! Ко мне, на мою сторону, смелее!

И вот уже прожита была жизнь. За редкие его труды бог не послал Николаю Ивановичу старости — был он все такой же ребенок, фантазер, выдумщик, самокопатель, с незапятнанной своей честностью, непрактичной практичностью, которыми так горько отблагодарил их общего благодетеля Женни, — а ведь перед нею он всегда считал себя обязанным за свое семейное счастье... Вскоре после их брака сестра Николая Петровича Витгенштейна, княгиня Эмилия Трубецкая, сообщила о бедственном положении брата (папа не разрешал ему развода с первой женой) императрице Александре Федоровне. Императрица отнеслась письменно к своему брату, прусскому королю, и тот сумел-таки воздействовать на папу дипломатическим путем, доставив Витген-

штейну, к великой радости Женни, развод. Между тем, служа в Балтийском крае чиновником особых поручений при губернаторе, Николай Петрович завел интрижку с гувернанткой его детей. Та потребовала женитьбы, не ожидавший такого оборота Витгенштейн бросился за советом к Николаю Ивановичу, и тот в ответ торжественно процитировал ему своего любимого Гете: нет больше греха, как обмануть девушку! Судьба мягкого Витгенштейна была решена. Женни вскоре скончалась.

Александра Антоновна вспомнила, что забыла про свой столик, — в бумагах перед отъездом она любила навести замечательный порядок: если что с ней случится, так хоть немедленно вступай в права наследования. Кроме писем Николая Ивановича, было здесь немало счетов, сложенных, впрочем, и без того аккуратно, биржевые ведомости (настроение рынка было нынче слабое: пшеница — 85 копеек, овес — 65 за пуд, волаы стоили по три шестьдесят за убойный вес), были здесь и росписи — подбивку денег она производила каждую неделю, в самые плохие годы (при неурожаях, при падении курсов) умела обойтись без дефицита! Конечно, Николай Иванович поставил хозяйство на научную ногу, поддерживаемая удобрениями земля родила вдвое, но ведь земля, урожай — это еще не все дело. А рынок? А умение пристроить деньги? Все это было на ней.

«Что все твои одеколонны, когда идешь

позади колонны!» — любил приводить Николай Иванович из Пруткова. Ей страшно было вспомнить шестьдесят первый год, отставку Николая Ивановича с киевского попечителя и тысячу восемьсот рублей его пенсии... Деньги нужны были не ей — ему: при независимом характере как быть без денег?! Почему-то ей вспомнился сейчас Киев, приезд министра. Умаявшись накануне в приготовлениях, она единственный раз в жизни проспала, бросается к Николаю Ивановичу (они жили при первой гимназии) и столбенеет — он не на вокзале, не встречает министра! Стоит себе перед зеркалом и преспокойно бреется. Не успела она вымолвить слова, как распахивается дверь, и вливается сам Норов. Николай Иванович замечает министра в зеркале, кивает и продолжает бриться. А чего стоит случай с митрополитом?! Живут они в Киеве месяц, другой, а Николай Иванович все не едет представиться. Сколько раз Васильчиков ему советовал, наконец, не стерпел, приезжает к ним, в гимназию, везет с собой, рекомендует владыке: «Известный Пирогов!» Владыка: «Вот и кстати, у меня и просьба к вам есть!» «Позвольте узнать, в чем эта просьба заключается?» «У вас имеется вакансия цензора, а у меня для этой вакансии имеется кандидат...» Николай Иванович недоуменно смотрит на владыку, на висящие по стенам портреты архиереев, делает два шага назад и отправляется из залы.

При ее целодневных трудах не нищ был та-

кой человек! Уж состояние Николая Ивановича превышало миллион.

«...бог дал тебе ум и чувство не совсем обыкновенные и уж ни в коем случае не дюжинные, — бросились в глаза перекрещенные шелковой лентой строки, — у тебя есть способность чувствовать глубоко и потребность любить. Ты любила детей, ты любила свою кузину именно потому, что ты хотела, что ты чувствовала необходимость, жажду любить. Ты способна к вдохновению — не к порывистому, не гениальному, но к тихому и глубокому».

Конечно, подумала она, надо иметь мужество признаться: он не любил тебя... хотя делал все, чтобы заставить себя поверить, что любит... «В сущности, ты прожила нянькой... — говорила она себе с затаенной своей болью, что бог не послал ей детей, — да ведь при нем!»

Последней у нее в руках оказалась ее девичья книжка.

«Терпение и бодрость! Господь не оставит тебя, одинокая душа».

Она взяла в руки перо и крупным округлым почерком девушки записала на следующей странице вторую надпись:

«По смерти моей хоронить меня не в часовне, какую сооружу для моего мужа, Николай Ивановича Пирогова, а против входа в часовню — головою к ногам моего мужа».

Александра Бистром, вдова Н. И. Пирогова».

Утро Аргудана.

Чабаны.

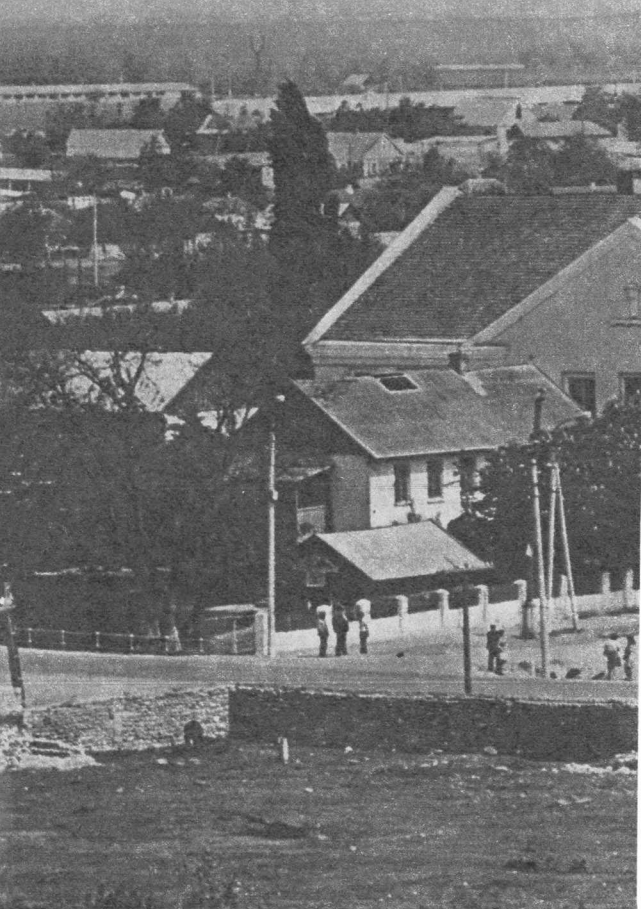

Председатель сельского Совета Лостанби Гунжафов любит беседовать с уважаемыми стариками.

БОЛЕЕ 2 МИЛЛИОНОВ ДЕПУТАТОВ, ВЫБОРНЫХ ПРЕДСТАВИТЕЛЕЙ НАРОДА, ВЕДУТ ГОСУДАРСТВЕННУЮ РАБОТУ В СОВЕТАХ.

В ДЕЯТЕЛЬНОСТИ СОВЕТОВ, В ОСУЩЕСТВЛЕНИИ ИХ ЗАДАЧ ДОБРОВОЛЬНО И БЕЗВОЗМЕЗДНО УЧАСТВУЮТ ПОЧТИ 30 МИЛЛИОНОВ АКТИВИСТОВ-ОБЩЕСТВЕННИКОВ.

СОВЕТ АРГ

Председатель аргуданского колхоза имени В. И. Ленина Камбулат Тарчоков, депутат Верховного Совета СССР.

УДАНА

Рассказ о народовластии

Н. БЫКОВ,
фото А. ГОСТЕВА,
специальные
корреспонденты
«Огонька»

Как сказал Максим Геттуев, поэт Кавказа: «И две главы в короне льдистой — знак взятой нами высоты, эмблема вечного единства Балкарии и Кабарды». Таких вершин не две, не одна — гряда вершин тянется у чистого горизонта. Тут тебе и география и символы, точные и возвышающие душу. Льдистые вершины блистали надо мною — в поднебесье. И чегемская вода падала оттуда с шумом, отвесно, долго. И сверху скакал со скалы на скалу Баксан. Но Аргудан лежал внизу, в долине широкой и открытой.

Аргудан — древнее кабардинское селение,

живет оно на берегу реки того же названия, притока знаменитого Терека. Но чтобы не забывал путник, что он в одной из долин Кавказа, у Аргудана есть собственная гора — Герменчик. На ее плоской зеленой крыше, которую издавна облюбовали козы да овцы, посажен сад, а над садом возвышается белый обелиск, напоминающий о жителях-героях равнинного поселения, о тех, кто творил его новейшую историю. Обелиск и сад — в честь дедов и отцов, утвердивших в Аргудане власть местного Совета депутатов трудящихся — земледельцев и коневодов.

Возвращаясь несколько позже в Нальчик, я дал себе слово не писать о том, что в Аргудане построены школы, Дом культуры, Дом быта, детская музыкальная школа, универмаг, почта, ресторан, разбит парк, а улицы селения заасфальтированы, не перечислять давно переставшие быть здесь чудом электричество, радио, газ на кухнях в домах колхозников, не сводить в цифры предметы обязательного роста благосостояния и покупательной способности. В общем, не открывать как бы заново давно прочитанную страницу жизни зажиточного ордена Ленина колхоза имени Ленина.

И все же есть факт, выходящий из ряда привычного: в Нальчике издана книга об истории селения Аргудан и колхоза имени Ленина, и написал ее коллектив авторов — уважаемые жители селения, среди которых учитель-энтузиаст, историк Б. Гедгафов и нынешний председатель Аргуданского сельсовета Л. Гунжафов. О героях своей книги, о героях жизни, что вокруг, председатель сельсовета Лостанби Нургулиевич Гунжафов рассказывал на горе Герменчик. Отсюда, с плоской зеленой возвышенности, селение видно отлично, и видно, кто куда едет-идет, и проходит перед глазами годы бытия Аргудана и судьбы его лучших сыновей.

— Народовластие в Аргудане принимало в разное время разные формы. Те, кто был за новую жизнь, всегда стремились к объединению сил, чтобы сообща выбирать верную тропу. Среди них было немало славных храбрых людей. Мы вспомнили всех. Всем — вечная память. Наш земляк Анзор Текужев в молодости помогал профессиональным революционерам, успел два года отсидеть в царских тюрьмах.

Уже в начале 1918 года аргуданец Анзор Текужев становится членом Нальчикской окружной большевистской организации и ведет разъяснительную работу среди односельчан. Вокруг него собирались молодые, только что с австрийского фронта, конники Талья Моллов, Маша Гедуев, Хату Нальчиков, Асбата Карданов, Бати Тогузлов и другие. Первые. От них все и пошло в долине неспокойного Аргудана. Постепенно утверждалось народовластие, собирая в единую организованную силу бедняков, взявшихся за оружие. Анзор Текужев был избран на Моздокском съезде народов Терека в состав Терского народного Совета. Душой отзывались преданные Анзору, его мечтаньям отчаянные крестьянские паренки Маша Халишхов, Жабаги Тутуков, Огурли Суйдимов... Старшие, опытные помогли ребятам создать отряды самообороны: власть важно удерживать — так учили большевики на съезде Советов.

Ранней весной 1918 года съезд народов Терека в Пятигорске провозгласил Советскую власть! И среди делегатов 1-го съезда народов Кабардино-Балкарии тоже были аргуданцы — Анзор Текужев, Талья Моллов, Маша Гедуев, Огурли Суйдимов, Сосруко Эркенов. Когда они вернулись из Нальчика — собрали сход односельчан.

— Вот тогда и был избран наш первый сельский народный Совет, — торжественно сказал Лостанби Гунжафов. — Мы установили, что сход избрал председателем Совета Жабаги Тутукова, а заместителем его — Шаралуко Дудаева, бойцов отряда самообороны. Началось разделение земли между крестьянами... Знаем, что трудные вопросы, с которыми сталкивался в ту пору сельский Совет, по просьбе нашего делегата Анзора Текужева решали на заседаниях окружного народного Совета в Нальчике...

Да, нелегкая доля досталась тем, кого называют первыми, чьи имена золотом горят на обелиске, венчающем гору Герменчик. Аргуданцы отчаянно дрались за свободу, за

свой Совет, за будущее своих детей — ничего другого им не оставалось. Эпизоды этой схватки насмерть, один драматичнее другого, прочитаны мною в книге об истории селения Аргудан. В застенках белогвардейцев замучили Анзора Текужева, первого из первых, кто разжег огонь освободительной борьбы. Были и повешенные, и расстрелянные, и зарезанные, и умершие в горных лесах от голода и холода! Погибали в жестоких схватках и старики, и дети, и женщины, умевшие молчать даже тогда, когда их детей убивали на глазах.

Народовластие — сила, которую одолеть невозможно. Так было всюду на нашей земле, всегда, так случилось и в селении Аргудан. На рассвете одного из дней весны двадцатого года над дверью сельсовета опять приколотили древко красного флага.

В 1924 году в Аргудане уже действовал комитет крестьянской общественной взаимопомощи. Первое его деяние человечески так понятно: ста девяти беднейшим семьям привезли по возу дров. Комитет помогал осиротевшим, оставшимся без призора ребятами, доставал в городе и распределял нуждающимся ситец. Потом организовались, кто хотел, в кредитное товарищество, купили на сложенные деньги первые два трактора, два плуга, молотилку. Был создан ленинский учебный городок, один из первых выпускников этих, по-нашему сказать, курсов, стал и первым трактористом. Звали парня Халид Гедуев. Деньги к деньгам, и хозяйство собиралось немалое, вот тогда в Аргудане, как и повсюду в молодой Советской республике, создали товарищество по совместной обработке земли.

— А что же делал сельсовет? — спрашиваю.

— Сельсовет во всех начинаниях голова, самая жизнь людей Аргудана. Их тревоги, поиски, радости — все это заботы Совета. Так было, так есть.

В самом деле, это же очевидно, что депутаты сельсовета у всех на виду. Их будни не отделить от будней селения, колхоза. Они с утра в поле, на ферме, в мастерских, школе, гараже, в садах, и не только по должности. Не случайно среди пятидесяти шести депутатов Аргуданского сельсовета есть такие, что избираются на третий и на четвертый сроки. Односельчане знают, кто чего стоит!

В Аргудане сейчас самый сильный и самый известный в республике колхоз, колхоз имени Ленина, колхоз коммунистического труда. На знамени его — орден Ленина. Советская власть в селении, вся деятельность Совета депутатов трудящихся зиждется здесь на мощной основе, и на колхозной экономике в том числе. Народовластие тем прочнее, чем лучше живут люди, те самые избиратели, о благосостоянии которых и печется власть. Так думает, так говорит уважаемый старик, ветеран труда Билостан Тимирканович Жилетежев. Его поддерживает депутат сельсовета, главный агроном Мурадин Сосланбекович Кабалоев. А уж он-то знает все источники доходов: в колхозе это — четверть века.

— Есть один источник, главный — плодородие, — садится за руль «газика» Кабалоев. — Многие забыли, что колхоз наш был слабейшим в районе после войны. А в прошлом году только прибыль составила миллион семьсот тысяч рублей. Чистый доход. Вот и построили три школы, Дом культуры, универмаг, почту, ресторан, Дом быта. И асфальт в селении да и на всех дорогах, ведущих к полевым станам, на центральный ток...

Дальше я не записывал само собою разумеющиеся электричество, радио, телевизоры, холодильники, велосипеды, мотоциклы, автомашины... А вот решение проблемы дорог, ликвидация вековой грязи на улицах селения вызывают внимание. На вопрос, не дороги ли асфальтированные дороги, депутат и агроном Кабалоев ответил убежденно:

— Асфальт в селе окупается за год. Мы преуспели все объективные и субъективные трудности. О дорожной цене не может быть и речи, асфальт на улицах, на току, в гаражах окупился немедленно. Дети видят: Аргудан, как город! Даже лучше города, потому что над асфальтом висят яблоки, абрикосы, по асфальту мотороллер летит быстрее быстрого скакуна...

Наказ избирателя — основа каждодневных общественных занятий депутатов. Одни из них принимают самое живое участие в работе экономической комиссии, помогают колхозу, дру-

гие — в делах по благоустройству селения, третьи и четвертые — в общественных комиссиях по трудоустройству и здравоохранению. Особо велика забота о нравственном и трудовом воспитании юных односельчан, тут слово за комсомольцами, депутатами Риммой Текужевой и Муаедом Сабанчиевым. Оба окончили десятилетку, подают личный пример, и оба желанные гости в доме, где родители озабочены судьбой родного недоросля. А депутат Кабалоев еще три созыва назад организовал ученическую бригаду. Сейчас в колхозе о бригаде говорят «наш РГК» — резерв главного командования! Ребята — первые помощники сельсовета и тогда, когда на сессии речь заходит об озеленении, уходе за парком или садом-памятником на горе Герменчик.

— Молодые стараниями нашего поколения лишены забот о дровах, воде, сенокосах и пастбе домашнего скота. Но жизнь нельзя начинать в праздности. Свободное время должно принадлежать мечтам, любимому занятию и общественному труду. Потребность в труде и бескорыстие — два верных скакуна, которые не подведут до старости, — говорит дедушка Билостан Жилетежев, и я согласен с ним.

Но главный агроном Кабалоев оказался еще и поэтом. Эта догадка подтвердилась, когда он заговорил о гордости колхоза — о кукурузе. Полюс кукурузы — Аргудан! Об этом я слышал давно. Имя председателя колхоза, депутата Верховного Совета СССР, Героя Социалистического Труда Камбулата Кицувича Тарчокова, мастера высоких урожаев кукурузы, широко известно в нашей стране. Он создал хозяйство, ставшее народным университетом для всех, кто хочет выращивать по сто и больше центнеров кукурузы с гектара. Его стараниями, энергией, умением слушать уважаемых односельчан, подбирать специалистов колхоз окреп экономически, преобразился внешне, зажил интересной жизнью.

Известно, что годовой денежный сбор от сельских жителей, так называемое самообложение, составляет уже которое десятилетие несколько рублей с человека. Жителей в Аргудане около шести тысяч (вместе с теми, кто еще не самооблагается), так что ясно: селение в его нынешнем виде отстроено не только на бюджет сельсовета. Колхоз и колхозники создали свой теперешний Аргудан! А когда малого или старого спрашиваешь, кто именно, то обычно следует ответ: все вместе. Но кто самый-самый?.. И тогда люди называют активистов: обязательно председателя колхоза Тарчокова, энергичного председателя сельсовета Гунжафова, главного агронома Кабалоева и еще Героя Социалистического Труда Ахмеда Арамысова, бригадира и депутата Верховного Совета Кабардино-Балкарской АССР. И, конечно, депутатов сельсовета, самых авторитетных: бригадир коммунист Али Хутежев, тракторист комсомолец Муаед Сабанчиев, звеньевой, коммунист, кавалер ордена Октябрьской Революции Чилияни Жилетежев, доярка Лимажан Догужаева, доярка комсомолка Римма Текужева — их много, народных избранных в Советы — сельский, районный, Верховные Советы республики и СССР — почти шестьдесят человек в Аргудане, мужчин и женщин, пожилых и совсем еще молодых, но достигших того зрелого возраста, когда право избирать и быть избранным предоставляется Конституцией каждому.

...Когда-то в бывшем княжеском доме для первых тридцати мальчиков открыли первую школу. Сейчас в трех школах — около двух тысяч учащихся (разумеется, в том числе и девочек). В первые годы после революции нарочный привозил в селение три газеты: в комбед да в школу. А теперь... Надо ли приводить многочисленные цифры роста числа подписчиков газет и журналов.

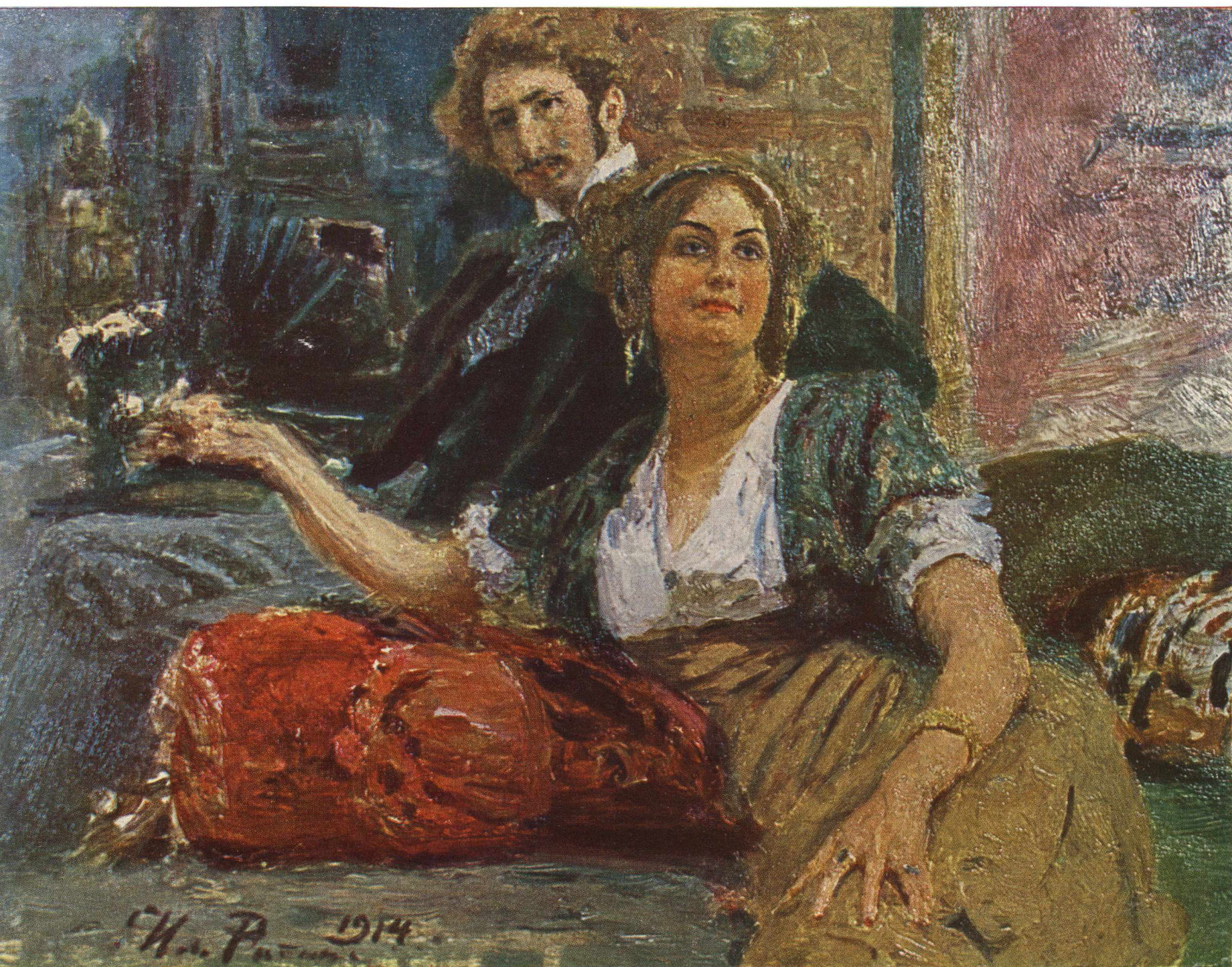
Все это сегодня. А завтра новые заботы, новые радости. «И с каждой пройденной верстой, мечтой сбывшейся твоей — все меньше у тебя покоя, все больше солнца и друзей...» Так сказал поэт Максим Геттуев, председатель Президиума Верховного Совета Кабардино-Балкарской Автономной Советской Социалистической Республики. И он тоже твой депутат, Аргудан! Твой избранный, адресующий свою песню путнику в жизнь.

Мира тебе, Аргудан, пусть у твоих сыновей и дочерей будет все больше солнца и друзей.

В. Нечитайло. Род. 1915. НА ПОЛЕВОМ СТАНЕ. 1977.

ХІІІ выставка произведений членов Академии художеств СССР.

И. Репин. 1844—1930. ПОРТРЕТ ПОЭТА С. М. ГОРОДЕЦКОГО С ЖЕНОЙ. 1914.

Киевский государственный музей русского искусства.

СЕРГЕЙ ГОРОДЕЦКИЙ

ИЗ НЕОПУБЛИКОВАННОГО И ЗАБЫТОГО

Русский советский поэт Сергей Митрофанович Городецкий (1884—1967) прожил большую и многогранную жизнь в искусстве.

Его звезда заблистала в начале 1907 года после выхода первой книги стихов «Ярь». Своеобразные, наполненные стихийной мощью строки молодого Городецкого покорили наиболее взыскательных и строгих знатоков искусства. «Книгой «Ярь», — отмечал В. Брюсов, — Городецкий не только дал большие обещания, но и приобрел опасное право — быть судимым в своей дальнейшей деятельности по законам для немногих». «Высокий поэт» — назвал Городецкого в статье «О реалистах» Александр Блок, им интересовался Л. Н. Толстой и восхищался И. Е. Репин. До революции Городецкий выпустил немало поэтических книг. С годами его муза стала более проста, он уходит от поэтического изыска и стилизации, приближаясь к родниковым истокам на-

родного творчества. Исследователи отмечали некрасовские мотивы в поэзии Городецкого, особенно в его стихах, посвященных России — ее прошлому и настоящему.

В сложной литературной жизни и борьбе начала века Городецкий играл видную роль. Один из столпов и теоретиков акмеизма, он был среди немногих представителей этого течения, сохранивших связь с национальными корнями русской культуры, непосредственность и фольклорную образность поэзии. Не случайно именно к Городецкому направил Блок только что приехавшего в Петроград молодого Есенина. После встречи с Есениным Городецкий писал издателю «Ежемесячного журнала» В. С. Миролубову: «Дорогой Виктор Сергеевич. Приласкайте молодой талант — Сергея Александровича Есенина. В нармане у него рубль, а в душе богатство». С этого дня началась дружба двух поэтов.

Октябрьскую революцию С. М. Городецкий встретил на Кавказе, где находился в качестве корреспондента газеты «Русское слово» на Кавказском фронте первой мировой войны. Он стремится в новую, революционную Россию, чувствуя значение великих перемен, происходящих в судьбе Родины.

Как я люблю тебя, Россия,
Когда над миром твой народ
Скрижали поднял огневые,
Скрижали вечные свобод, —

писал Городецкий в 1917 году. Революция внесла свежие темы и образы в творчество поэта. Он создает циклы стихов о новой, советской жизни, обращается к историческому прошлому России, работает над литературными портретами виднейших представителей русской культуры, пишет прозаические произведения и книжки для детей. И все это — с великой страстью и высокой ответствен-

ностью художника перед своим народом.

Много и плодотворно работает поэт и в области оперной драматургии. Величайшее его достижение в этой сфере — ставший классическим новый текст оперы Глинки «Иван Сусанин».

До конца своих дней С. М. Городецкий верно и беззаветно служил родной литературе. Его творческое наследие огромно и разнообразно.

Сегодня мы публикуем некоторые материалы, сохранившиеся в обширном архиве С. М. Городецкого. Они выразительно характеризуют творчество поэта, его мировоззрение, его связь с деятелями отечественной культуры.

Редакция приносит глубокую благодарность дочери поэта Рогнеде Сергеевне Городецкой, предоставившей для публикации материалы архива С. М. Городецкого.

I. ОТРЫВОК ИЗ ПОЭМЫ «КРАСНЫЙ ПИТЕР»

Эта поэма С. Городецкого была опубликована лишь один раз в 1928 году в журнале «Красная нива». С тех пор не переиздавалась. Несмотря на некоторую неровность, «Красный Питер» показывает, как в ряду лучших представителей русской интеллигенции поэт занял позицию на стороне революционного народа, как бескомпромиссно выбрал он путь советского художника.

Публикуется по авторизованной машинописи.

Слыхано ль такое дело?
Чтоб пехота шла на флот!
Надо льдом толпа гудела:
— Не ползем мы на лед!
Молча целую неделю
Красный Питер и Кронштадт
Друг на друга зорко целят
Пушек черные уста.
А Москва десятым съездом
Поднималась над страной,
Озареньем алозвездным
И щетиною стальной.
И бойцов своих надежных
Выбирала из рядов,
Чтобы тишь ночей тревожных
Расковать у финских льдов.
Что в Кронштадте сплел богатый,
Кремль бедняцкий расплетет.
Лавой влились делегаты
В середину красных рот.
Ожил берег. Питер ожил.
И на крепость пала тень.
И прошел мороз по коже
У кронштадтцев в этот день.

Каждый день на той неделе,
День и ночь, как муравьи,
В тихом Питере сидели
Над работою швеи.
Шили саваны льняные,
Шили белые, как снег,
Чтоб просторы ледяные
Скрыли красной роты бег.
Всем, кто шили этот саван,
Рабство Руси погребать.
Слава всем, навеки слава
Всем, кто хоронил раба!
Мир вздымая, как атланты,
Пролетариев всех стран,
Порох сыпали курсанты
В ружья сонные крестьян.
И Фома горячей речью
В этих ветреных ночах
Шкуру вздыбливал овечью
На среднеческих плечах.
— Братья! Я оттуда! Видел,
Как пошел пескарь с икры,
Как белогвардейской гниде
Клошник пазуху открыл.
Там ослепшею братвою
Верховодят палачи.
Кровью братскою живую
Чуть я рук не омочил.
Братья! Лед откуда стынел,
Нужно обогнать весну!
Выварить красную твердыню
И республике вернуть.
И росла над снежной степью
Сила верная бойцов.
И Кронштадту цепь за цепью
Нарастал удар в лицо...

* * *

Алым заревом пожаров
Над заливом встал туман.
С первой цепью под удары
Вышел на залив Фома.
В белых саванах, незримо,
Будто их туман родил,
Шли коммуны пилигримы —
Коммунисты впереди.
Не курить. Ни звука. Тише!
Лед под ротами шуршит.
Ветер саваны колышет.
В белый лед залив зашит.
Ветер в снежные поляны,
Прячет онемевший свист.
Тянет с берега в туманы
Провода телефонист.
Тащат лестницы с шестами,
Не гремя и не звеня,
Затаили гневный пламень
Пулеметы на санях.
Шаг за шагом, цель все ближе.
Под ногами всхлип воды.
И прожектор слепо лижет
Наступающих ряды.
Вдруг нащупал. Быстро, быстро

Замелькал слепящий луч.
Цепь открыта. Первый выстрел.
Грохот разрывает мглу.
Рвутся бешено снаряды.
Пропасть черной полыни
Топит красные отряды.
Лед осколками звенит.
Ввысь подводные разрывы
Мчат фонтан воды и льда.
Но вперед, вперед, кто живы,
Выбегают нападать.
Дорвались. На стены лезут,
Вихрями ручных гранат
Рвут граниту и железу
Полированный фасад.
Русь на Русь пошла в атаку,
На солому встала сталь,
Богатырь на раскоряку,
На бессмыслицу — мечта.
Все века былого рабства —
На грядущие века.
Вся махра головоотяпства —
На железный лязг станка.
По-ученому — нелепость,
Но приказ отдал главному,
И взята морская крепость
Пешей армии штыком.

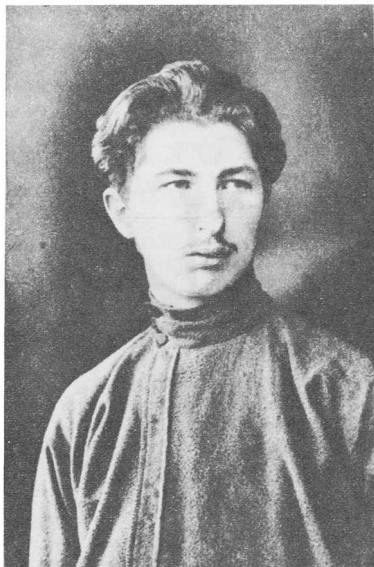
II. ПЕРЕПИСКА С И. Е. РЕПИНЫМ

В архиве С. М. Городецкого сохранились письма великого русского художника И. Е. Репина жене поэта Анне (Нимфе) Алексеевны Городецкой и в копиях — письма поэта и его жены Репину. Письма художника интересны не только как автографы великого человека — в их строках выраже-

но отношение И. Репина к поэту С. Городецкому.

Письма Городецких за границу И. Е. Репину красноречиво говорят о патриотических настроениях представителей советской интеллигенции, строящей новую, социалистическую культуру.

Переписка публикуется впервые.

С. М. Городецкий. 1905 год. Публикуется впервые.

И. Е. РЕПИН —
Н. А. ГОРОДЕЦКОМУ

1). «2-е июня 1914 г.
«Пенаты»

Милая, дорогая Нимфа Алексеевна.

От Вашей мнительности я готов зареветь... Что Вы выдумали? И с какой причины я мог быть рассерженным на Вас!..

Спасибо за ландыши — я люблю их больше всех цветов на свете!

«Когда росой обрызганный, душистый...»

Ох не могу, некогда; и Вам не советую вступать в переписку со мною мало-письменным человеком... Не будем тратить дорогое время...

Сергею Митрофановичу шлю мои дружеские пожелания.

Между нами: я все больше и больше пленяюсь его умом, зрелостью и тактом. Как я медленно раскусываю людей.

До свидания, в среду в «Пенатах».

Ваш И. Репин*

* Письмо относится ко времени, когда Репин писал публикуемый в этом номере «Огонька» портрет С. М. Городецкого с женой.

2). «2-е янв. 1915 г.
Куоккала

Дорогая Нимфа Алексеевна. — По-прежнему всякую среду обыватели Куоккала и приезжие из Питера, собравшись в «Пена-

тах» — увы осиротелых, — вспоминаем Вас и рокошущего на громких струнах, нашего милого поэта С. Городецкого. Очень обрадуете, если соберетесь когда-нибудь — посетите нашу [...] страну молчания.

А сердиться мне на Вас никакого серьезного повода нет и не было.

И если Вы не выражаете недовольства, что я выставил Вашу группу, не удосужившись Вашего разрешения, то я, с облегченным сердцем, благодарно сжимаю Ваши руки и посылаю Вам и Поэту наших могучих национальных восторгов — все мои лучшие пожелания для Нового 1915 года!

Ваш Илья Репин.

ПИСЬМА ГОРОДЕЦКИХ — РЕПИНУ

1). «Москва, Красная площадь, 1, кв. 3 17.VI. 26.

Дорогой Илья Ефимович! Здравствуй! Мы Вас помним, любим и скучаем без Вас. Приезжайте! Непременно приезжайте. Россия выросла неузнаваемо, и будет исторической нелепостью, если Репин и новая Россия не узнают друг друга. Не верьте глупостям о России, которые обычно распространяются. Мы живем хорошо, искусство развивается на путях, близких Вам, культура по-

шла в массы. Вы должны убедиться в этом по собственным впечатлениям...

Целую Вас крепко в надежде вскоре сделать это лично в Москве.

Ваш С. Городецкий».

2).

«Дорогой Илья Ефимович!

Наши друзья художники едут к Вам. Я пользуюсь этим радостным случаем, чтобы послать Вам свой сердечнейший привет.

Дорогой Илья Ефимович, как будет приятно видеть Вас у нас в Москве. Москва сейчас прекрасна и величественна. Сколько новых волнующих впечатлений Вы, великий художник, получите здесь. Вы собственными глазами увидите, что наша дорогая родина только сейчас вздохнула полной грудью. Идеи всей Вашей жизни находят здесь свое осуществление. Ежедневно тысячи новых восторженных зрителей приходят в Третьяковскую галерею смотреть Ваши шедевры.

Приезжайте, дорогой Илья Ефимович, и не верьте лжи и клевете, что распространяют о России. Ждем Вас с великой радостью...

Любящая Вас Нимфа Алексеевна Городецкая

1926 г. 8 июня, Москва, Красная пл., д. 1».

III. АВТОГРАФЫ СЕРГЕЯ ЕСЕНИНА

«Восемнадцать лет я был удивлен, разослав свои стихи по журналам, тем, что их не печатают, и поехал в Петербург. Там меня приняли весьма радушно. Первый, кого я увидел, был Блок, второй — Городецкий» — говорил Есенин в автобиографии.

В малоизвестных воспоминаниях С. Городецкий писал: «Осенью 1914 года Есенин появляется в Питере.

Я не помню подробности первой встречи. Вернее всего, Есенин пришел ко мне с запиской Блока. И я, и Блок увлеклись тогда деревней. Я, кроме того, и панславизмом... Факт позволения Есенина был осуществлением долгожданного чуда, а вместе с Клюевым и Ширяевцом, который тоже около этого времени появился, Есенин дал возможность говорить уже о целой группе крестьянских поэтов.

Стихи он принес, завязанные в деревенский платок. С первых же строк мне было ясно, какая радость пришла в русскую поэзию. Начался какой-то праздник песни. Мы целовались, и Сергунька опять читал стихи. Но не меньше, чем прочесть стихи, он торопился спеть рязанские «прибаски, канавушки и страдания». Тут восторги удвоились... Застенчивая, счастливая улыбка не сходила с его лица. Он был очарован телом со своим звонким, тогда озорным голосом, в барашком вьющихся льняных волосах, — которые он позже будет с таким остервенением заглаживать под цилиндр, — синеглазый...

Когда пришел Есенин, была золотая ранняя осень, солнце билось с Невы в мою белую комнату. Есенин поселился у меня и прожил несколько месяцев. Записками во все знакомые журналы я облегчил ему хождение по мытарствам.

Свидетельством теплой дружбы поэтов являются и публикуемые сегодня впервые дарственные надписи С. Есенина на двух его книгах, адресованные С. Городецкому.

«Сергею милому с любовью нерушимой.

Сергунька 1921».*

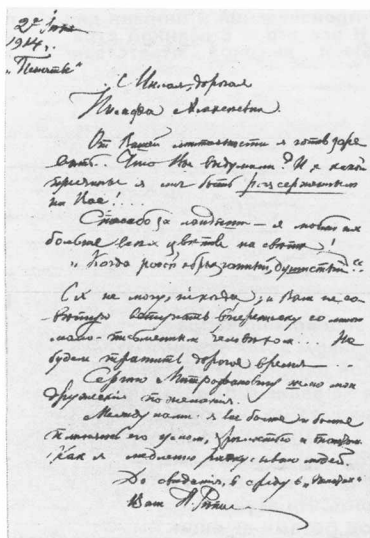
«Милому Сергею Митрофановичу Городецкому

Наставнику моему и рачителю. С. Есенин».**

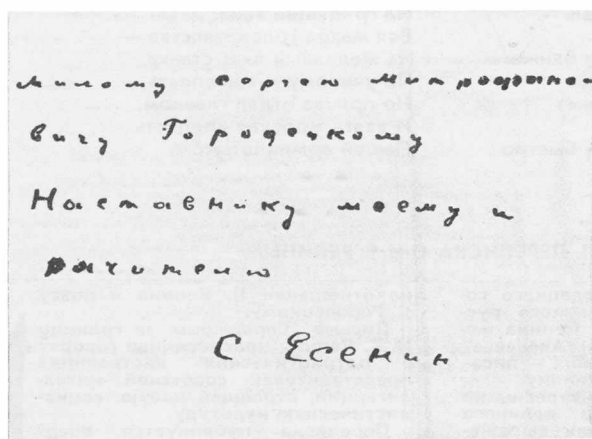
* Надпись на книге: Есенин «Пугачев» 1922 (книга вышла в конце 1921 года).

** Надпись на книге: Сергей Есенин «Трерядница». Москва, 1920.

Письмо И. Е. Репина. Публикуется впервые.

Автограф С. А. Есенина на книге «Трерядница». Публикуется впервые.

Письмо в редакцию

НУЖЕН МУЗЕЙ «СЛОВА О ПОЛКУ ИГОРЕВЕ»

В дни приближающегося празднования тысячелетия русской литературы с особенной остротой и важностью встает задача необходимости создания музея великого памятника русской культуры, бессмертной поэмы «Слово о полку Игореве». Вряд ли требуется сейчас говорить об огромном значении этого произведения для развития всей нашей литературы. «Слово» оказало влияние на формирование творчества Пушкина, Лермонтова, Маяковского, Есенина, Гоголя, Бородина, Васнецова, Фаворского и других художников. Это произведение, как известно, высоко оценивал Карл Маркс. Оно переведено на многие языки народов мира. До наших дней «Слово» продолжает воспитывать патристические чувства в сердцах молодых поколений.

Над изучением и постижением безгранично емкой мудрости «Слова о полку Игореве» трудятся в наши дни многие исследователи, историки, филологи, археологи. Кроме того, существует целая армия энтузиастов-любителей, отдавших много сил и времени собиранию материалов о «Слове», исследующих поэтическую, историческую, археологическую основу этого литературного памятника. Например, более сорока лет своей жизни посвятил накоплению интереснейшего материала о «Слове» филолог В. Ф. Соболевский. В его коллекции — труды по исследованию поэмы, переводы ее на языки мира, иллюстрации художников, первые издания «Слова». Собиратель не раз высказывал пожелания, чтобы его богатая коллекция была передана специальному музею. Имеется целая галерея живописных работ, иллюстрирующих героический поход русской дружины. Они тоже нашли бы свое место в музее.

Создание такого музея в Москве да- ло бы возможность сосредоточить в его стенах дальнейшую научно-исследовательскую работу над «Словом» и, что не менее важно, организовать широкую пропаганду замечательного литературного памятника нашего народа.

Нам кажется, что настало время Министерству культуры РСФСР практически решить вопрос о музее «Слова о полку Игореве», который мог бы разместиться в одном из многочисленных зданий столицы — памятников истории и культуры.

Д. ЖУКОВ, писатель. В. ЕРМИЛОВ, слесарь завода «Красный пролетарий», Трудой Социалистического Труда. И. КОБЗЕВ, поэт. А. МАРКОВ, поэт. А. ПОЛИВАНОВ, инженер-строитель. Б. ЩЕРБАКОВ, член-корреспондент Академии художеств СССР. А. ЮГОВ, писатель.

РЕБЕНОК, ИГРА И ДЯДЕНЬКА

«Игра» — так называлась статья Любови Юниной, опубликованная в «Огоньке» [№ 47 за 1976 год]. В ней рассказывалась простая, вроде бы незатейливая история: на дачу, где живет с родителями маленькая девочка, приезжают родственники и начинают по-своему воспитывать ребенка — осуждают детские забавы, разрушают «сказочное царство» девочки, поучают ее родителей. В итоге маленькая Оля теряет всякий интерес к прежней игре, родители — в отчаянии оттого, что ребенку нанесена моральная травма, зато гости возмущены: не поняты их лучшие намерения, ведь они «пресекли пагубную игру». А читатели!

Конфликт оказался не так уж прост. Десятки читателей разглядели в нем глубокие нравственные корни. Как воспитывать детей, стоит ли поощрять их выдумки, или, наоборот, приучать к практицизму? Какими должны быть ребячьи игры — беспечными, фантазерскими или, что называется, тематически выдержанными в духе сегодняшнего дня? А может быть, выбор детских игр — привилегия взрослых!

Одно письмо, второе, десятое... Кажется, вопрос ясен: большинство обеими руками голосует за естественный, творческий процесс воспитания ребенка. Повода для дискуссии вроде бы нет. Но вот еще письмо: автор считает, что игра девочки — нелепость, родители ее потакают вредным капризам и глупостям, не умеют воспитывать ребенка на примерах действительности... Спорная позиция! Несомненно. Но за строками этого письма уже не безмянный персонаж очерка, а конкретный человек с фамилией, адресом, и уже можно представить себе, как ситуация, описанная в «Игре», где-то повторяется вновь и вновь.

Публикуя полученные нами письма, мы приглашаем читателей продолжить начатый разговор.

МИР РЕБЕНКА — ОСОБЫЙ МИР

Хочется поделиться своим мнением. Я воспитала четырех детей, три дочери уже взрослые, а сыну 8 лет. Мне жаль девочку Олю. Эту статью прочитали все мои дети, и все очень жалели Олю и ругали «культурных родственников». Как плохо, что они еще и учителя! Есть еще такие, я бы сказала, горе-воспитатели. Мир ребенка — это особый мир, его понимают не все взрослые. Я помню детство своих дочерей и сына. Иногда, приходя с работы, видела такую картину: весь дом разделен на «владения», в комнатах устроены «комнаты», сделана своя «мебель», приготовлены «обеда»... Мне хотелось отругать детей за беспорядок, но, вспомнив собственное детство, я тут же смирилась. Ругать за то, что дети — это дети? Часто заставляла дома 5—6 чужих детей. И это хорошо, что ребята любят общаться. Когда появился маленький сын, дочки помогали его нянчить, и в школу его водили, и передавали его друг другу «по смене», но никто не смел обидеть младшего или запретить играть в игрушки. Сейчас ему 8 лет, а он не ляжет спать, пока не уложит своих мишек, заек, слоников — у него их штук двадцать. Отец иногда смеется над ним, говорит: «Ты уже во второй класс ходишь». Но я запрещаю так говорить, ведь у ребенка свой мир, свои представления. И не надо ребенка лишать их раньше времени, как это сделали Олины родственники. Мне бы хотелось обратиться через журнал вот к таким родственникам: «Если вы не любите детей, не понимаете их, так и не мешайте им! А ты,

Оля, будь умницей, полюби снова свои сказки, они у тебя очень хорошие...» К этому присоединяются и мои дочери: Людмила (она уже замужем), Светлана (студентка), Ирина (девятнадцатилетняя) и Игорь — второклассник.

Н. БЕРЕЗНЕВА

Новороссийск.

ТОЛЬКО ЛИ НАТОПАЛИ!

Прочитал «Игру» Л. Юниной под рубрикой «Что скажете, родители?». Собственно, и говорить нечего. Просто этот «большой толстый человек в полотняном костюме и его жена — сухопарая дама в очках» — грубые и невоспитанные люди. Они не только «натопали грязными сапогами в доме близких», они залезли Оле в самую душу и, может быть, жестоко ранили ее.

Помню, в какие мы только игры не играли в детстве: в соловьев-разбойников, пиратов. Но никто из нас не стал разбойником, пиратом.

Ко всему тому «дяденька и тетенька» оказались крохоборами. Позарились на грибы, а маленькая Оля, естественно, закричала: «Это мое, мое! Не режьте, не убивайте их!» Это уже о жестокости. Правильно сделали Владимир и Валя, что порвали родственные отношения с этими «правдолюбцами». Не пускайте их на порог, Владимир!

И. ПОЛИКАРПОВ, рабочий
Рудный, Кустанайской обл.

ПЕДАГОГИЧЕСКОЕ НЕВЕЖЕСТВО

То, о чем рассказывается в статье Любови Юниной «Игра», — предмет разговора не только для

родителей. Ведь там описывается, как в девочке Оле были убиты сказка, фантазия, творчество — те чувства, которые являются истоком человечности.

Убиты, разрушены — чем? Обычным педагогическим невежеством, сухим рационализмом. Хорошо, что родители Оли не пошли на поводу у интеллигентствующих невежд. Думаю, злой дух постепенно рассеется и девочка Оля снова построит свое волшебное царство, вернется к прежним своим друзьям. Меня возмущает то, что для Александра Ивановича мечта ребенка — чужь. Увидеть в игре ребенка замысел, творчество (пусть слабо еще им осознанное) — это большое искусство. Нам, взрослым, следовало бы в детские игры, забавы вмешиваться только в крайнем случае (опасность для жизни, жестокость и проч.). Искусно и умно поддерживать в ребячьей игре творческое начало, как это делают родители Оли, — это воспитательский долг.

В. ДАНИЛИН, рабочий

Днепропетровский.

НАДО ЛИ ПОТАКАТЬ ИСТЕРИЧНЫМ ДЕВОЧКАМ!

Частично я согласна с родственниками Владимира. Каждый ребенок имеет свое «царство», но и каждый родитель обязан помочь ребенку в его увлечении, привить ему чувство эстетики и реальности.

Я уверена: если бы Владимир с Валей своевременно обратили внимание на увлечение их дочери и разъяснили ей нелепость признания «царем» дворового блохастого пса Шарика, а «царенком» — грязной картофелины, то ребенок отказался бы от такого «царства».

Все девочки влюблены в куклы, а вот Оля настолько была поглощена блохастым псом и грязной картофелиной, что даже не посмотрела на роскошную куклу — подарок тети.

Советский ребенок должен строить свои игры на более возвышенные темы. Ряд информации, получаемой ребенком в семье по радио, телевидению, должен привить ему интересы, так сказать, «космической эры».

У меня семь внуков и внучек, у всех были и есть свои увлечения, и я, если замечала, что они увлекаются глупостями, убеждала их в нелепости, нереальности затеянного ими. А что касается грибов, то старики, наверно, не знали, что это тоже «царство» Оли, увидели хорошие съедобные грибы и собрали. Общепризнано, что грибы растут для того, чтоб их собирали, а Оля, видно, капризная, нервная девочка, из-за этих грибов даже в обморок упала.

Все дети не без капризов, но не

у всех эти капризы проявляются в такой истеричной форме.

Т. АНАСТАСОВА, пенсионерка
Грузинская ССР,
Цалкский район.

КАКИЕ НУЖНЫ ИГРУШКИ!

Это жестоко — то, что сделали гости. Они разрушили внутренний мир ребенка, опустошили его душу и, может быть, лишили веры в людей.

Единственно, в чем можно упрекнуть мать Оли, — это в несоблюдении должной чистоты игрушек. Но, может быть, излишняя стерильность на лоне природы и не нужна?

Еще вопрос: как богатые и дорогие куклы влияют на воспитание детей? Мое мнение: лучшие игрушки те, которые придумывает и делает сам ребенок.

Л. КУЛИКОВА, ветеран труда,
Бабушка

Омск.

ТАК УБИЛИ МЕЧТУ

Статья «Игра» Л. Юниной вызывает, противоречивые суждения. Слишком необычна игра ребенка. Навевная миром сказок, она диссонансом врывается в нашу действительность. Я не сомневаюсь в том, что найдется немало людей, которые осудят подобное увлечение детей, как это и сделали родственники Владимира. Но будут ли они правы? Нет, тысячу раз нет! Ведь, если говорить откровенно, «прямо в глаза», то души всех этих Александров Ивановичей в данных ситуациях оказываются духовно беднее души Оли и ей подобных. Именно духовно беднее. Они убили мечту — грубо, бестактно, ничего не доказав при этом и в конечном счете не дав ничего взамен своего, по их убеждению, лучшего (от куклы Оля отказалась). Поэтому прав был Владимир, порвав с родственниками отношения. Его трезвость суждений радует.

Г. БЕЗРУКОВ, пенсионер
Марийская АССР.

А УДАСТЯ ЛИ ВЕРНУТЬ!

До глубины души жаль маленькую Олю. Сказка вела ее к лесу, к природе, общению с животными (первым ее другом стала собака Шарик). Очень часто дети из картофелин изображают кого-то, это развивает воображение. Оля сама следила за своим уголком леса, ухаживала, поливала каждый появившийся грибок — значит, ее уже не надо было приучать к труду. Это счастье, когда дети вот так сами себя воспитывают. И вот у девочки отняли всю эту милую красоту детства. А удастся ли вернуть?

Л. ИВАНОВСКАЯ,
пенсионерка [68 лет]

Златоуст.

ПО СТРАНЕ СОВЕТСКОЙ

НОВОСТИ • ИНТЕРВЬЮ • РЕПОРТАЖ

КУЙБЫШЕВ

ВОТ ЭТО ПОДШИПНИК!

1 Когда труженики «Уралмаша» готовили к сборке шагающий экскаватор, оснащенный восьмидесятикубовым ковшом, куйбышевскому Девятому государственному подшипниковому заводу имени В. В. Куйбышева было поручено освоить выпуск крупных подшипников — таких,

через которые без труда проедет легковой автомобиль.

Готовые изделия из цеха вывозятся только дважды в год. Редко? Но ведь и изготовить подшипники-великаны совсем непросто: величина их наружного диаметра — 2300 миллиметров, вес — 2306 килограммов. Предназначены они также

для конвертерных печей, большегрузных «БелАЗов», шлюзов, плотин.

Необычный подшипник демонстрировался на ВДНХ, где вызывал неизменный интерес посетителей.

А. ГЕЛИС

Фото В. Созинова (ТАСС)

СИБИРЬ

СУВЕНИРЫ ШУШЕНСКОГО

2 Вазы, шкатулки, ложки, чашки, стаканы, покрытые лаком. Густые, сочные тона в сочетании охряно-оранжевого с черным и золотистым... Хохлома? Нет! Рисунок не тот — сибирский, да и формы, пожалуй, иные. Эти вещи я видела в центральном универсаме Абакана. На ярлыке адрес изготовителя: Шушенская фабрика сувениров. И потому, оказавшись в знаменитом селе-городе, поехала на эту самую фабрику. Автобус остановился возле длинного стекляно-бетонного здания типичной современной промышленной архитектуры. Молодой человек, ему еще нет и тридцати, Николай Валентинович Михайлов, директор фабрики, показал цеха. На дверях таблички: лакировка, полировка, термообработка, лужение. Ложкорезы, чеканщики, граверы... — А этот, можно сказать, сплошь девичий цех. — Он привел нас в светлое, наполненное сиянием трубок дневного света

помещение. — Здесь работают разрисовщицы.

Действительно, женское производство: за длинными столами сидят молоденькие девушки и тонкими кисточками выводят лепестки, тонкие иглы хвои, кедровые шишки, характерные для хакасского и тувинского орнаментов.

— Производство сувениров — новое в этих местах дело, — рассказывает директор. — Чтоб подобрать двадцать разрисовщиц, пришлось, например, проверить более ста пятидесяти человек, но самое трудное — привлечь на нашу фабрику профессионалов с образованием. Художник по росписи Валентина Павловна Кулюлина, волжанка, окончила Семеновскую школу, потом работала на Красноярской фабрике. Сейчас приехала к нам. Я разговаривал с мастерами из Нижнетагильского училища, Павловского. Не решаются оторваться от родных мест. Далеко. Сибирь!

А как нужны нам специалисты-профессионалы высокого класса, воспитанники наших лучших вузов и училищ прикладного искусства!

В кабинете директора своеобразная выставка. «Танец звенков», «Шаман», «Глухарь на току», «Лось»... Все эти панно, выполненные из латуни и дерева, пользуются немалым спросом в сувенирных киосках и магазинах Восточной Сибири и Дальнего Востока.

— Но вот чему мы особенно рады. — Михайлов показывает большую бронзовую памятную медаль, посвященную Ленинскому мемориалу. — Разработал ее молодой художник Михаил Липницкий. Осваиваем производство.

Г. КУЛИКОВСКАЯ

На снимке: Татьяна Кривобокова — разрисовщица.

Фото А. Гостева

МОСКВА

СТРОЧКА ИЗ ПОЧТОВОГО ПЕРЕВОДА

3 Сперва было письмо из дальневосточного поселка лесорубов. Писала знакомая учительница: «Хочу сообщить радостную новость. Нашу школу правление Фонда мира наградило Почетной грамотой». Это и привело меня на Кропоткинскую, 10. Здесь мне предложили увесистую пачку почтовых переводов со всех концов Советского Союза. И все от детей.

— Дело не в сумме денег, переведенных нам, — предупредили меня в Фонде мира, — обратите внимание на поручения.

И я стал читать строчки на денежных переводах: «Дружина октябрят первого класса отряда «Солнышко» посылает свои деньги на конфеты за один день и просит отдать их на строительство Дворца пионеров в Ханое». Ученики второго класса «А» школы-интерната № 12 города Бану: «Посылаем 20 р., заработанные на прополке цветов в теплице».

Сбор ягод, грибов, участие в сенокосе, изготовление сворачен, выручка от детского концерта... Вот источники доходов малышей, пожелавших внести свою лепту в Фонд мира. Там же показали мне письма от ребят постарше, уже окончивших школу и поступивших на работу: «Включаем в свой трудовой коллектив старого большевика Семена Кононовича Теплова, погибшего в 1919 г. от рук белогвардейцев. Обязуемся выполнять за него норму на 120 процентов, а заработанные деньги перечислить в Фонд мира».

Один за другим следуют города — Ангарск, Саратов, Днепропетровск, Тюмень, а в переводах: «Купите на наши деньги детям Чили игрушки», «Пусть наш скромный вклад пойдет на строительство школ в Анголе» и т. д. и т. п.

Нам рассказали не только о детях. Открыли альбом, состо-

ящий из цветных фотографий, и на каждой — ценности, присланные многочисленными советскими патриотами в Фонд мира. Золото, серебро, живопись, антикварные вещи, просто сберегательные книжки с крупными вкладами. Работница из Якутии прислала 18 тысяч рублей, а на переводе прислала: «Я стара, пенсия вполне меня обеспечивает, а мои сбережения пусть пойдут на укрепление мира». Колхозница из Рязанской области прислала драгоценную икону, оставившая сцену балерина — антикварный чайный сервиз из золота. Художник пожертвовал сто ценнейших полотен. Незнакомые люди ежедневно обращаются на Кропоткинскую, 10, с просьбой прислать приемщиков за ценностями.

Такова она, красота человеческая.

3. ХИРЕН

НА ЗЕМЛЕ ПУШКИНА

4 Вновь на древнюю Псковщину пришел традиционный Все-союзный Пушкинский праздник поэзии. 178 лет назад родился Александр Сергеевич Пушкин, и не зарастает народная тропа к местам на нашей земле, дававшим ему уют и вдохновение.

Святогорский монастырь, где покоится прах поэта; Михайловское — его дом; Тригорское, где провел он у друзей немало веселых, светлых часов; Петровское, усадьба Ганнибалов, предков Александра Сергеевича; река Сороть, городище Воронич, Савкина горка, озера Маленец и Кучане — все эти названия не чужды для наших современников, они одухотворены именем Пушкина, который здесь жил, бродил по этим холмам и лесам, смотрел на зеркало озер и любовался голубой красавицей Соротью. Муза Пушкина рождалась в тиши-

2

3

4

5

не этого края, он обессмертил его своей жизнью.

Сегодня, в день рождения Пушкина, нельзя не сказать: как прекрасно, что восстановлены и бережно сохраняются пушкинские места! Люди приходят сюда не только, чтобы поклониться памяти поэта, но и чтобы глубже приобщиться к истории своей страны, ее народа, к прошлому России. В этом великое значение памятных мест, связанных с жизнью выдающихся сынов Отечества.

Таковыми, какими были они и при Пушкине, встречаются паломников аллеи в Михайловском и Тригорском, постройки в усадьбах и вековые деревья, помнящие поэта. Огромный труд, любовь и забота вложены в Государственный Пушкинский заповедник людьми, поставившими целью своей жизни воссоздать и сохранить для будущих поколений пушкинский уголок.

— Добраиваем дом в Петровском, — говорил мне весной этого года Семен Степанович Гейченко, хранитель Пушкинской земли. — По всей стране искали мы реликвии, связан-

ные с предками Пушкина. То, что удалось разыскать, — документы, книги из библиотеки Ганнибалы, предметы, найденные во время раскопок, увидят гости земли Пушкина в Петровском, где часто бывал поэт, живо интересовавшийся историей своих предков.

Новостройка и в Тригорском. В старинном парке восстанавливается банька, в которой не раз оставался ночевать Пушкин, задержавшись допоздна у милых друзей Осиповых.

...Пушкинский праздник вступил на нашу землю. С Псковщины он пришел и в края Верхневолжья, и в Болдино, и в другие уголки страны, связанные с именем светлого гения русской поэзии. Завершился праздник в Москве, где в торжественном вечере, посвященном дню рождения Пушкина, приняли участие советские поэты и писатели и литераторы зарубежных стран.

Вл. ВЕЛЬЯШЕВ

На снимке: Дом в Михайловском.

Фото Г. Розова

РИГА

НОВЫЙ РЕКОРД

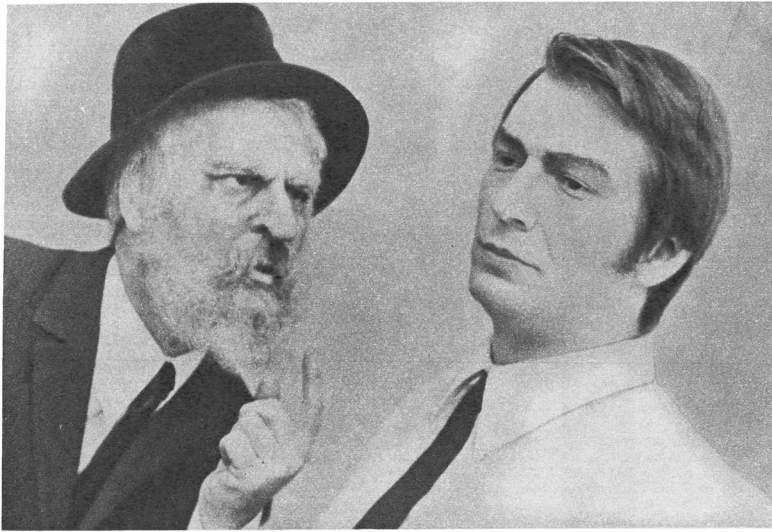
5

Александр Григорьев, спортсмен из Минска, выступая на соревнованиях в Риге, установил новый рекорд СССР и Европы, преодолев планку на высоте 2 метра 30 сантиметров. Он побил рекорд Валерия Брумелья — 2 метра 28 сантиметров, который тот установил еще в 1963 году. В то время это был рекорд мира, но сейчас американский прыгун Д. Стоун довел мировой рекорд до 2 мет-

ров 32 сантиметров. Александр Григорьев был близок к тому, чтобы улучшить этот результат еще на 1 сантиметр. Пока это ему не удалось, но ведь летний сезон только начинается.

На снимке: Александр Григорьев прыгает стилем «фосбери-флоп».

Фото Ю. Моргулиса

театр

М. Бушнов и А. Ливанов в спектакле «Мы так недолго живем». Фото Г. Осокина

АЗЕРБАЙДЖАН НА РОСТОВСКОЙ СЦЕНЕ

Михаил АНДРИАСОВ

Театральный сезон на финише. Перед тем как опустить занавес в последний раз, перед гастроллями, Ростовский драматический театр имени М. Горького показал романтическую комедию известного азербайджанского драматурга Имрана Касумова «Мы так недолго живем».

Выбор этот представляется весьма удачным. Гуманистические утверждения автора и театра как бы закрепляют творческие рубежи, на которые недавно вышли ростовчане, осуществившие постановку «Тихого Дона» (как известно, постановщик «Тихого Дона» — главный режиссер театра Ян Цициновский и группа актеров удостоены звания лауреатов Государственной премии РСФСР).

Едва зрители увидели выразительные декорации художника Г. Белова и услышали проникновенную музыку, как со сцены сразу повеяло дыханием Каспийского моря... Взгляду открылась старая крепостная часть Баку: пестрое нагромождение убогих домишек, лабиринты улочек и переулков, многоцветное смешение старого и нового. Здесь живут и действуют герои Имрана Касумова. Один из них — Гусейн Кафаров, старый грузчик первого класса, гордость Бакинского порта... Спустившийся в город из родного горного села столетидесятилетний Мамедали отчитывает Гусейна, который только что вышел на пенсию. Мамедали считает, что его внук Гусейн оставил работу слишком рано: грузчику Гусейну всего 85 лет! — В твои годы, — говорит Мамедали, — моя вторая жена двойно родила...

Старик для своих 150 лет достаточно энергичен, бодр и подвижен, мудр и лукав и весьма критически воспринимает поступки окружающих. Он-то и становится главной движущей силой, вокруг которой разыгрываются все перипетии спектакля.

Появление старого Мамедали в семье грузчика Гусейна определенно вносит переполох в размеренный, привычный ритм жизни квартала.

Юная красавица Нурида, только вступившая на путь врача и обещавшая руку и сердце своему соседу Арифу, молодому капитану-спасателю, внезапно меняет свое решение. Теперь она отдает предпочтение Кямилу, инженеру-строителю, человеку ловкому и, кажется, привлекательному... Но это делец. А Нуриде им-

понируют взгляды инженера, «торопящегося» жить сладко. Ее девиз «Живем мы недолго и всего один раз» тоже вполне устраивает «строителя».

Нурида и Кямилль оба делают ставку на уникальный возраст Мамедали: вот случай, когда они сотворят «бизнес» на должителе, представителе высоких гор! Старика в рекламных целях убеждают давать интервью корреспондентам газет, радио и телевидения, говорить, что он никогда ничего не пил, кроме родниковой воды, что он ел только сыр и зелень, что он встречался с Лермонтовым, пожимал руку Грибоедову...

Однако Мамедали не столь податлив: «Спрашивают, что ел, что пил? Откуда помню? Ел, что аллах послал. А от зари до зари — в кузнице. У коней в горах ни одной чужой подковы не найдешь... Пью чай. Самовар утром, самовар вечером...»

Нурида и Кямилль намечают далеко идущие планы: с помощью министерства здравоохранения они создадут специальный «научный» институт для подготовки должителей на «соответствующем кормовом режиме». Мамедали подвергается непрерывным атакам «исследователей», и... здоровье уникального старика начинает сдавать. Тогда-то праправнук Ариф самоотверженно спасает своего «предка»:

— Беги к себе, в горы, спасайся, дорогой большой дед, беги в село, в кузницу, — настаивает парень. — Куй железо, встречай зарю, ругай старуху, дуй чай самоварами...

И Мамедали возвращается в горы. С блеском играет Михаил Бушнов кузнеца Мамедали Кафарова.

Самобытный образ Гусейна создан заслуженным артистом РСФСР С. Хлытчиевым. Ярко рисует облик Баладжи, жены Гусейна, заслуженная артистка РСФСР Е. Филиппова: кажется, на сцену вышла сама милая, вечно заботливая ханум. Запоминаются зрителям А. Ливанов — Ариф, Л. Лымарь — Нурида, Е. Серова — Эмира. Достоверные краски нашел А. Свиридов для своего «героя» — инженера Кямилля.

Пьеса Имрана Касумова и спектакль ростовчан утверждают светлые устои социалистической морали, говорят о благородной предназначенности человека на земле: важно не то, сколько лет прожил человек на свете, а то, как прожил он отпущенное ему время.

ПЕСТРЫЕ

Велокомбайн

Служащий муниципалитета японского города Иокогама оснастил свой велосипед одиннадцатью рожками и стереоприемником с антенной. Кроме того, на раме установлено два зеркала — заднего вида и бокового, а также громкоговоритель и сигнальные огни.

Каменные клумбы

Перед вами не полигон для испытания автомобилей и не крыши турецких бань. На снимке изображен вымощенный двор в местечке Гранд Борно недалеко от Парижа. Это фантазия архитектора Эмиля Эйю, который всерьез считает, что такая площадка для отдыха выглядит намного привлекательнее, чем обычные клумбы.

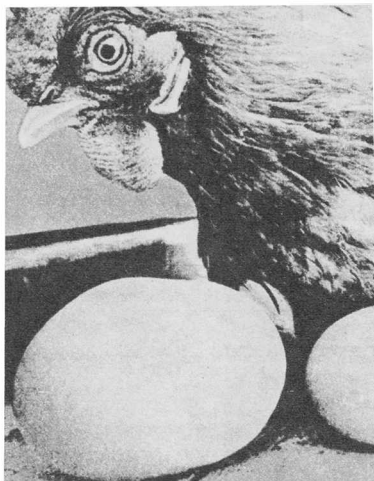

Лесной гость

Охотники нашли в лесу лисенка. Приютил малыша директор ирландского телевидения Моррис. В его квартире лисенку уютно, особенно в обществе нового друга.

СТРАНИЦЫ

Курица-рекордсменка

Эта наседка, принадлежащая жителю города Сан-Антонио (США), явно озадачена: ей самой не верится, что она снесла такое большое яйцо. Длина его более 10 сантиметров.

Прогулка к динозаврам

Площадка с самыми крупными обитателями зоопарка в польском городе Хожув не отгорожена от посетителей. К ним можно смело подойти вплотную. «Долина динозавров» — уголок, где можно увидеть выполненные из стали и бетона фигуры ископаемых животных в натуральную величину.

Антимода

В некоторых капиталистических странах модельеры, создавая новые фасоны одежды, стремятся удивить мир. Их принцип таков: чем страшнее, тем лучше. Пара, которая изображена на снимке, демонстрирует новые костюмы западногерманских королей мод.

ЭКВИВАЛЕНТ

Леонард В А Л Л И Х Т

Около двух лет после свадьбы мы с Люциной проживали у ее родителей. И вот наступил долгожданный день — мы получили отдельную однокомнатную квартиру.

— Наконец-то свой угол! — радовалась жена. — Сбылась наша мечта!

Я бесконечно разделял радость жены.

— Но у нас только один диван, — проговорил я машинально.

— Ничего, что-нибудь придумаем, — утешила жена. — Достанем стол и два стула.

— Где?

— Мама даст.

— Мама? Это прекрасно.

— И сервант будет наш.

— Чудесно!

— И тот сервиз, который стоит в серванте, тоже получим. А если попрошу как следует, то и фикус отдаст.

— Тогда, может быть, попросить и ковер, который лежит в столовой?

— Можно и ковер. Мама не откажет.

— Если бы еще и Левитана в золотой раме, — вздохнул я.

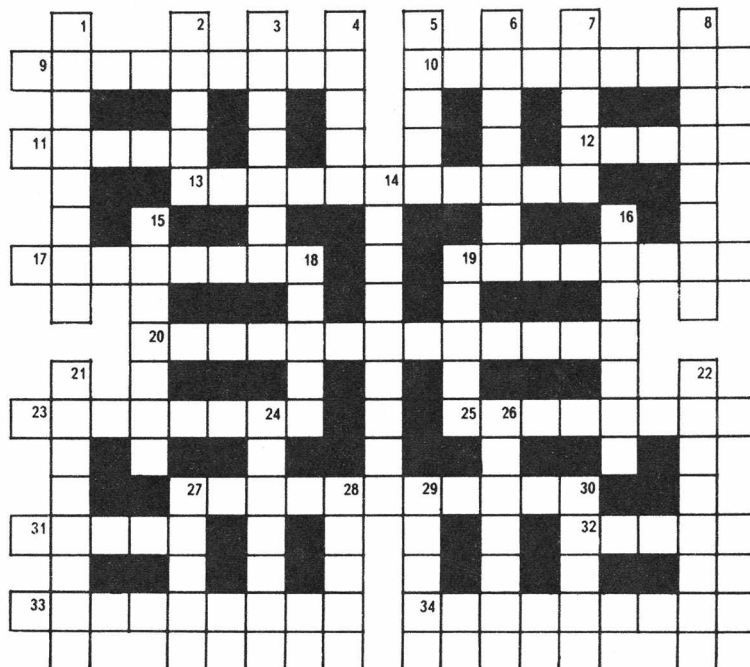
— Попросим и Левитана. Он бы хорошо вписался в наш интерьер. Представь себе: отдельная квартира и сразу с обстановкой!

Вдруг что-то дернуло меня, и я сказал:

— Слушай, Люцина. Сколько вещей мы забираем у матери. А что за это ей оставим?

— Как что?! — удивилась жена. — Мы оставим маме самое дорогое для нас — годовалого Петруся. Пусть себе воспитывает.

Перевел с польского
Вл. ГОЛОВЧАНСКИЙ.

КРОССВОРД

По горизонтали: 9. Прием игры на смычковом инструменте. 10. Устройство для управления самолетом. 11. Большое зеркало. 12. Народный артист СССР, выступавший на сцене МХАТа. 13. Спортсмен. 17. Тригонометрическая функция. 19. Южное декоративное дерево. 20. Система распределения однородных предметов, понятий по общим признакам. 23. Кондитерское изделие. 25. Подлинник. 27. Наука о естественных химических соединениях в земной коре. 31. Надстрочный знак в старинных рукописях. 32. Герой произведения Н. А. Некрасова в цикле «Стихотворения, посвященные русским детям». 33. Комплекс сооружений для запуска ракет. 34. Хвойный кустарник.

По вертикали: 1. Преобразователь звуковых колебаний в электрические. 2. Советский летчик-космонавт. 3. Офицерское звание. 4. Водитель автомобиля. 5. Способ передачи сигналов и речи на расстоянии. 6. Раздел механики. 7. Роман Т. Драйзера. 8. Полярная чайка. 14. Музыкальная пьеса на мелодии из других произведений. 15. Пресноводная рыба. 16. Площадка для приема солнечных ванн. 18. Приток Дона. 19. Сорт кофе. 21. Вечнозеленое травянистое растение. 22. Остров у побережья Австралии. 24. Соревнование. 26. Опера А. Н. Серова. 27. Спортивный снаряд. 28. Созвучное окончание стихотворных строк. 29. Охотничья собака. 30. Административный центр округа в Болгарии.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, НАПЕЧАТАННЫЙ В № 23

По горизонтали: 6. Леонавалло. 7. Осип. 9. Аполлон. 10. Тмин. 12. Гривна. 14. Цоколь. 16. Брасс. 18. Литературоведение. 19. Табор. 21. Свитер. 23. Богота. 24. Учур. 26. Ледокол. 27. Корт. 28. Подосиновик.

По вертикали: 1. «Клоп». 2. Соната. 3. Баллада. 4. Фланец. 5. Сорт. 8. Серафимович. 11. Иллюминатор. 13. Велебит. 15. Козерог. 16. Батат. 17. Север. 20. Бородин. 22. Рулада. 23. Булава. 25. Репс. 27. Кекс.

НА ПЕРВОЙ СТРАНИЦЕ ОБЛОЖКИ: Регина Масилёните и Гедре Диндене — молодые архитекторы.

НА ПОСЛЕДНЕЙ СТРАНИЦЕ ОБЛОЖКИ: Ровесники Лаздина. * Старый Вильнюс. (См. в номере очерк Н. Храбровой «Зодчие».)

Фото Э. Эттингера

Главный редактор — А. В. СОФРОНОВ.

Редакционная коллегия: Д. Н. БАЛЬТЕРМАНЦ, В. В. БЕЛЕЦКАЯ, С. А. ВЫСОЦКИЙ (заместитель главного редактора), И. В. ДОЛГОПолов (главный художник), Д. К. ИВАНОВ, Н. А. ИВАНОВА, Л. М. ЛЕРОВ, В. Д. НИКОЛАЕВ (заместитель главного редактора), Ю. С. НОВИКОВ, Ю. П. ПОПОВ, Н. П. ТОЛЧЕНОВА.

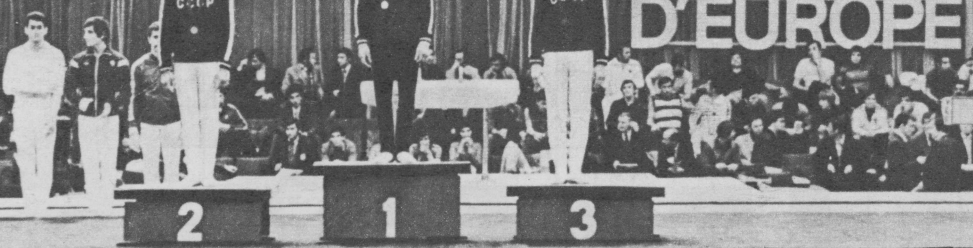
Адрес редакции: 101456, Москва, А-15, ГСП, Бумажный проезд, 14. Рукописи не возвращаются.

Оформление Е. М. КАЗАКОВА.

Телефоны отделов редакции: Секретариата — 253-38-61; Отделы: Репортажа и новостей — 253-37-61; Международный — 258-30-03; Социалистических стран — 250-24-21; Искусств — 250-46-98; Литературы — 258-63-69; Военно-патриотический — 250-15-33; Науки и техники — 253-31-47; Юмора — 258-14-07; Спорт — 253-32-67; Фото — 253-39-04; Оформления — 253-38-36; Писем — 253-36-28; Литературных приложений — 253-32-45.

Сдано в набор 23/V — 1977 г. А 00366. Подп. к печ. 7/VI — 1977 г. Формат 70×108¹/₈. Усл. печ. л. 7,0. Уч.-изд. л. 11,55. Изд. № 1491. Тираж 2 070 000 экз. Заказ № 600.

Ордена Ленина и ордена Октябрьской Революции типография газеты «Правда» имени В. И. Ленина, 125865, Москва, А-47, ГСП, улица «Правды», 24.

Призеры чемпионата Европы (слева направо) Александр Ткачев, Владимир Маркелов, Владимир Тихонов.

ОЛИМПИЙСКИЕ СМОТРИНЫ

Фото А. БОЧИНИНА

Как назвать смотрины самых сильных гимнастов Европы — послеолимпийскими или предолимпийскими? Наверное, и так и так: ведь они состоялись после Монреала и перед Москвой.

Давно ли мы взвешивали, осмысливали результаты XXI Олимпийских игр, а теперь уже думаем об Олимпиаде-XXII. Меньше года прошло с тех дней, когда Николай Андрианов завоевал в Монреале золотую медаль абсолютного чемпиона, и вот теперь прозвучало имя другого нашего гимнаста — Владимира Маркелова. В Монреале Маркелов был тридцать четвертым (правда, надо учесть, что он выступал, получив травму), а через год на чемпионате Европы в Вильнюсе стал законодателем самой современной гимнастической моды. И не он один! На чемпионате Европы товарищ Маркелова по команде Александр Ткачев, не попавший на Олимпийские игры, завоевал в многоборье серебряную медаль и золотую в вольных упражнениях. Владимир Тихонов хоть и выступал в Монреале, но был там в тени, а теперь он бронзовый призер чемпионата Европы и чемпион континента на брусках.

Да, стремительно меняется гимнастика, усложняется ее программа, появляются новые имена. Николай Андрианов не участвовал в чемпионате Европы, потому что понял, что со своей олимпийской программой не может рассчитывать на успех. В Монреале и польский гимнаст Анджей Шайна, и венгр Золтан Мадьяр, и гимнаст из ФРГ Эберхард Гингер выступали значительно удачнее, чем Владимир Тихонов, а на чемпионате Европы уступили ему по всем позициям многоборья и лишь одному из них, Мадьяру, удалось завоевать золотую медаль в упражнениях на снаряде.

Словом, и на мужском первенстве, как и до этого в Праге на женском, мы увидели новых лидеров. Как всех поразила в столице Чехословакии своим мастерством серебряный призер чемпионата Европы шестнадцатилетняя Елена Мухина! В Монреаль она не попала, а в Праге уступила лишь одной гимнастке — чемпионке Олимпийских игр в Монреале румынке Наде Комэнечи.

Стремительное омоложение гимнастики, начавшееся года три тому назад, продолжается.

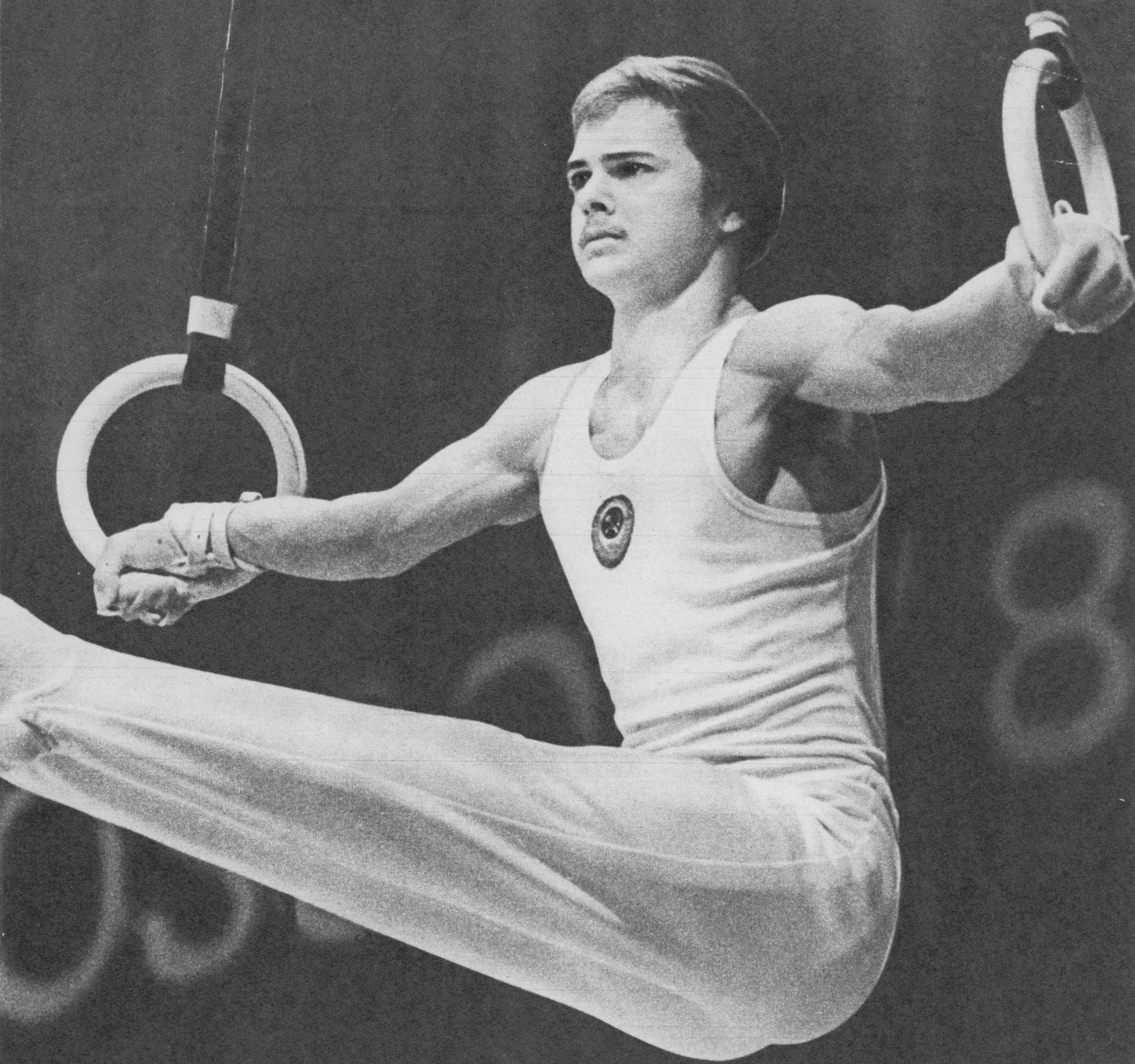
Вот и появляются маркеловы и мухины! Для непосвященных их успех кажется неожиданным, но рост молодых вполне закономерен.

В. ВИКТОРОВ

3

2

1 Абсолютный чемпион Европы В. Маркелов показал лучший результат на кольцах.

2 В. Тихонов — чемпион Европы на брусьях.

3 З. Мадьяр [Венгрия], чемпион XXI Олимпийских игр в упражнениях на коне, подтвердил свое мастерство и на чемпионате Европы.

4 В опорных прыжках победили два гимнаста — И. Табак [ЧССР] и Р. Бертель [ГДР].

4

Цена номера 35 коп.
Индекс 70663